

ФЭНТЕЗИ
МАГИЯ

Кирилл Корзун
ВЫБОР КЛИНКА

Фэнтези-магия

Кирилл Корзун

Выбор клинка

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Корзун К.

Выбор клинка / К. Корзун — «Издательство АСТ»,
2022 — (Фэнтези-магия)

ISBN 978-5-17-139371-7

Самурай обнажает меч по велению своего господина. И только ронин следует зову своего сердца. Месть оставила привкус горечи и пустоту в душе: последний из рода Хаттори совершил ошибку, за которую есть лишь одна достойная цена — жизнь. Но узор его Судьбы претерпел изменения, результат которых невозможно предсказать. А тропа под ногами неожиданно раздваивается...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-139371-7

© Корзун К., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Кирилл Корзун

Выбор клинка

Пролог

В ночи бушевало пламя.

Яркое, солнечно-рыжее и отчаянно злое. Его языки извивались в чарующей энергичной пляске вокруг мужчины, неподвижно застывшего в медитации и хладнокровно обосновавшегося среди заснеженного и пустого полигона. Пламя послушно танцевало вокруг призвавшего его человека. Призвавшего по праву Крови, Силы и Власти. Оно ластилось к своему повелителю. Ластилось, как игривый щенок или кошка, что возжелали внимания и ласки.

Пламя натужно гудело, жадно поглощая кислород – изменчивое и ненасытное, оно грезило пожарами и разрушениями, воссоздавая красочные картины того, что способно натворить, если хозяин наконец-то спустит его с цепи. Пламя грезило, соблазняло, умоляло...

Погруженный в медитацию, Котаро оставался глух к песне и танцу стихии Огня. Его дух пребывал вне тела, там, откуда он вновь явился в этот мир. Там, где царила извечная пустота и не было ни проблеска Света.

Его дух, окутанный саваном огня, вновь очутился в Бездне. Вернулся туда, где провёл в заточении долгие пять веков.

Но на этот раз он уже не был её пленником.

Котаро вернулся, чтобы обрести над ней власть...

Мелкие сущности, свитые из первородного мрака, вились вокруг него, поглощая слабые отблески Пламени его Духа, кружили подобно стае падальщиков, норовили урвать кусочек побольше и... Сгорали, громким воем усаждая слух синоби, стоило им только попытаться приблизиться.

– Зачем ты явился, смертный? – вкрадчивый шёпот прошелестел на самой грани сознания. – Чего ты хочешь от нас?

Синоби испытал мрачное удовлетворение. Демоны правильно расценили его появление. Присущие им любопытство, алчность и неуголённые страсти не позволяли безразлично остаться в стороне и наблюдать.

– Забрать своё. По праву Силы, – отвечал он, зная, что его услышат все. – Я пришёл за тем, кто владеет моей душой...

Бездна расхохоталась. Тысячи тысяч голосов перекликались между собой, резонируя и усиливаясь до тех пор, пока ревущий вал хохота Демонов Бездны не обрушился на дух синоби, погребая его под собой.

А Пламя Духа взревело в ответ. Хохот сменился воплями боли, криками недовольства и сдержанной ярости. Но никто так и не тронул его. Только один демон имел на это право. И Котаро терпеливо ждал его появления.

– Ты слаб, Котаро. Мне ли не знать тебя лучше других? Ты слаб... – слова одного из демонов прозвучали тихим шелестом листвы на ветру, – ...и неблагодарен. Я дал тебе второй шанс. Я, вскормлённый твоей ненавистью, один из Энса-но Они, даровал тебе жизнь. И так ты решил отплатить за бесценный дар?! Ничтожество!!! Я пожру твою душу, я выжгу её дотла, а остатки отдам на растерзание падальщикам!

– По праву Силы, – упрямо повторил Котаро, ощущая возникновение сгустка первородного Мрака рядом с собой. – По праву Силы...

– Ты слабак!!! Ничтожество!!! Забыл, как умолял о пощаде спустя всего несколько месяцев мучений?! – разъярился демон, воплощаясь и пытаясь оплести дух Котаро выстрелившим в его сторону щупальцем. – Я напому тебе, кто ты есть, смертный!!!

Гигантское щупальце Тьмы наткнулось на крохотный огонёк души человека, едва мерцающий в сгустившейся тьме, наткнулось и взорвалось тысячами осколков. Вопль ярости и боли сотряс молчаливую Бездну.

Остальные демоны молчали и не вмешивались – так велел непреложный закон мироздания. Каждый светоч души имел право на второй шанс. Но обрести его он мог только в борьбе...

– Уничтожу!!! – взревел Энса-но Они, Демон Ненависти, и вдруг, ощутив изменения вокруг себя, захлебнулся криком отчаяния: – Не-е-ет! Бездна! Вываю к тебе! Помоги мне!!!

Бездна осталась нема к его возгласам.

– Тебя никто не услышит, демон. Право Силы священо для всех. Это закон самого Мироздания. А поединок должен быть честным. Поэтому... Ты пойдёшь со мной! – усмехнулся Котаро, усилием духа разрывая план реальности под демоном. – Ты знаешь меня лучше прочих, потому что ты – это я. Моё порождение. Моё, а не Бездны...

Сгусток Мрака провалился в прореху как в пропасть, провалился в мир людей, прямиком в ловушку поджидавшего и радостно взревшего Пламени.

Могучий и полный боли вопль сотряс и расколол небеса. Стихия Огня опалила его, разрушая сущность Энса-но Они – пламенный вихрь закружился в стремительном хороводе, причиняя своей жертве новые муки и выжигая его энергию.

Демон рычал и бился в конвульсиях, пытаясь обрести материальное тело, а вместе с ним и часть положенного для поединка могущества. Мир людей имел свои правила. Мрак и Тьма противостояли Огню – и уступали, но всё же...

– Я пожру твою душу, Котаро! – возопил демон, обретая в пламени антрацитово-чёрное человеческое тело, перевитое канатами тугих мускулов. Его увенчанная острыми рогами голова развернулась в сторону погружённого в медитацию синоби, полная острых клыков пасть разверзлась, исторгая новый кровожадный вопль: – Тебя ждут вечные муки в Бездне!!! И тебя ничто не защитит! Боги оставили вас!

– Не в этот раз, – тихо прошептал Котаро, воздвигая огненную стену на пути пущенной демоном волны мрака. – Ты всего лишь демон.

Пламя и Мрак столкнулись, не в силах одолеть друг друга.

– Ты всего лишь демон, – повторил синоби, плавно вставая на ноги и подхватывая с земли своё излюбленное оружие. – А я – человек!

Выброшенная вперёд его могучей рукой метательная звезда-фуума диаметром около метра за доли мгновений раскалилась добела и сияющим диском врезалась в прикрывшегося руками демона. Полуметровые лопасти гигантского сюрикена с лёгкостью пробili защиту всколыхнувшейся Тьмы, перерубая его конечности и вскрывая грудную клетку.

– Ты... Ты... Этого не может быть, – глухо произнёс демон, падая на колени. Его чёрное, глянцево-блестящее в отблесках пламени тело медленно завалилось на спину, утопая в грязи и подтаявшем снегу. – Ты... Не мог. Бездна тебя покарает...

– Обязательно, – согласно кивнул подошедший к нему Котаро, лёгким движением вырывая плотно засевший в костях сюрикен. – Но сначала я сделаю то, что давно хотел.

Предчувствуя беду, умирающий демон взвыл, но было уже поздно – синоби хладнокровно присел рядом с ним и невозмутимо вырвал его сердце. Пульсирующий сгусток Тьмы на ладони продолжал мерно биться. Даже когда Энса-но Они затих и начал медленно растворяться, питающая его энергия не иссякла – она медленно впитывалась в ладонь синоби.

Котаро с любопытством осмотрел её, пошевелил пальцами, прищёлкнул ими... И возжёг на ладони багрово-чёрный огненный шар демонического пламени.

Его грубое дикарское лицо озарила неподдельная улыбка. Но тени, во множестве пляшущие в ночной тьме, озаряемой заревом затухающего пожара, превратили эту улыбку в оскал...

Глава 1

Маска смерти

Проблесковые маячки патрульных автомобилей, перегоревших улицу, слепили глаза прибывшего на место перестрелки Аскольда – опричник недовольно сощурился и чуточку сдвинул на глаза широкополую шляпу из мягкого фетра. Приближаясь к оцеплению из хмурых патрульных и городских и поминая добрым словом всех тех, кому вздумалось устраивать разборки в центре города, он горько сожалел об упущенном выходном дне.

– Стоять долго будем? – нейтральным тоном поинтересовался опричник у невысокого и набыченного патрульного в кожаной куртке, что подозрительно буравил глазами Аскольда, по случаю выходного дня сменившего имидж. – Пропусти меня.

– Не велено, – с сомнением в голосе ответил полицейский, не решаясь прогнать обладателя подозрительно знакомой внешности. – Документы или значок предоставите, господин?

Тяжело вздохнув, Аскольд сдвинул шляпу на затылок. Его похожие на льдинки глаза безразлично встретились с взглядом патрульного.

– Вот мои документы, – холодно произнёс опричник, наблюдая, как полицейский изменился в лице и даже слегка попятился, едва не оборвав жёлтую ленту ограждения. – Значок показать?

– Прошу прощения, господин старший опричник. Клановые шастают, потому и спрашивал, – повинился служака, козырнул и приподнял полосатую ленту, давая Аскольду пройти на место преступления. – Вечно суют свои любопытные носы, стоит чему-нибудь приключиться...

Парковка популярного среди аристократии мини-ресторана «Строганофф» напоминала поле боя. Пара искорёженных автомобилей премиум-класса, разбросанные по тротуару, словно надоевшие детские игрушки, огромная дыра на месте витрины заведения, усыпанная битым стеклом улица, взломанное в нескольких местах дорожное полотно... Бригада следователей и криминалистов, вооружённая мощными фонарями, на первый взгляд практически бесшумно перемещалась в ночи по огороженной территории, пытаясь по мельчайшим деталям восстановить картину происшествия.

Обозрев место разборок со стороны, Аскольд снова тяжело вздохнул, окончательно прощаясь с выходным, и направился к входу в ресторан, внутри которого призывно горели светильники и сутились люди.

– Опричный приказ. – Короткая фраза, подкреплённая холодным взглядом, возымела магическое действие на ещё одного блюстителя порядка, попытавшегося загородить двери своим тучным телом. – Кто старший?

– Капитан Мезенцев, – слегка побледнев, ответил городской, рассмотрев лицо под шляпой и тут же отступая в сторону. Практически все сотрудники силовых ведомств Сибирска знали Аскольда. Если не лично, то по слухам. – Из Имперской Службы безопасности.

Присутствие контрразведки моментально меняло расклад сил и значимость происшествия. Предчувствия, терзавшие по дороге к месту преступления, не обманули опричника – перестрелка в ресторане была лишь ещё одним звеном в целой череде событий, сотрясающих сонную, провинциальную тишину Сибирска.

«Строганофф» блистал светом зажжённых свечей в десятках витых подсвечников на стенах и трёх старинных люстрах под потолком. Дубовые резные панели стен украшали картины в золочёных рамах и разноцветные панно со сценами охоты. В тягучей, наполненной человеческой суетой мини-атмосфере ресторанчика отчётливо пахло горелой изоляцией и крепкими сигарами, изредка через разгромленную витрину влетали порывы холодного ветра, в клочья разрывая разговоры потерпевших и следователей.

Один из таких обрывков долетел и до слуха Аскольда.

– ...А потом он ка-а-а-к заискрился весь, ваше благородие, ка-а-а-кшибанул током. Искры синие, яркие, сыплются во все стороны! Только и девица непростая оказалась. Зашипела, что кошатина моя, когда псину какую увидит...

Аскольд заинтересованно наострил ухо и завертел головой в поисках рассказчика. Им оказался осанистый швейцар преклонного возраста, в строгой ливрее с серебряным шитьём. Провинциальный говор, свойственный местному населению из окрестных деревень, считался одной из фишек ресторана, он придавал обслуживанию колорит полуторавековой давности.

Швейцара допрашивал один из младших офицеров ИСБ. Чёрный мундир с шевронами в виде щита и меча не давал ошибиться. Следователь внимательно слушал ответы старика и тут же вносил их в портативный планшет.

– ...Кровью пахнуло, ей-богу, ваше благородие, кровичей. Я такую запашину только в деревне родной чуял, когда десяток свиней за раз кололи. Дух тяжёлый, липкий, ни продохнуть, ни с места сдвинуться. И такая жуть навалилась, чуть портки не обмарал! – продолжал заливаться швейцар, не жалея красок для описания происходящего. – Сцепились они, что та кошка с собакой, стену вон вынесли. Как вспомню, сколько посуды да мебели перебили, сердце схватывает! А псина ейная, что возле столика сидела, на подручных мерзавца того кинулась. Трое их было, да двое из них, где стояли, там и остались. Пёс им глотки рвал почище волка, да третьего по полу извалял, пока в него шаровуха с улицы не прилетела...

Следователь недовольно покосился на вставшего неподалёку опричника, но не сказал ни слова – они оба служили империи, и ведомства всегда активно сотрудничали, предпочитая делиться информацией и не вести друг против друга закулисных игр.

– Здравствуйте, господин Грешников, – учтиво склонил голову подошедший из глубины зала молодой мужчина в военной форме, характерной для частей спецназа. – Капитан Имперской Службы безопасности, Мезенцев Григорий Дмитриевич, «око государево». Чем обязаны вниманию Опричного приказа? Расследование находится исключительно в нашем ведомстве, поскольку касается нашего сотрудника. Однако мы с радостью примем посильную помощь с вашей стороны, господин старший опричник.

Аскольд тем же образом ответил на приветствие капитана и счёл необходимым не скрывать своих намерений:

– Поскольку в ведомство Опричного приказа попадают все чрезвычайные происшествия подобного типа, я обязан прибыть на место преступления. В связи с тем, что у меня есть вполне обоснованные подозрения об участии в этом инциденте разыскиваемого преступника по кличке Красный Дракон, я также хочу принять участие в следственных мероприятиях и получить полный доступ к информации. Помнится мне, что подобная практика распространена в тех случаях, когда интересы ИСБ и Опричного приказа пересекаются.

Мезенцев едва заметно скривился, но удержался от проявления недовольства. Капитан не мог послать любопытного опричника куда подальше. Как и не мог утаить сведений относительно перестрелки.

– Преступник ворвался в ресторан в сопровождении троих соучастников. Внешнее описание, по словам очевидцев, полностью соответствует внешности сбежавшего из-под стражи боевика Тёмного клана по кличке Красный Дракон. В том, что это был Дэй Луэн, уже нет никаких сомнений, однако установление личности остальных участников похищения затруднено. Стихийный выброс вызвал электромагнитные возмущения, повредившие всю записывающую аппаратуру в ближайших зданиях. В результате нападения была похищена баронесса Бладштайнер, наш штатный сотрудник, и ещё одна девушка, чья личность ещё не установлена, – поделился он выжимкой из всей имеющейся информации. – Это наше дело, Аскольд. Наше. Если ты найдёшь его раньше, чем мы...

– Мог бы ничего и не говорить, капитан, – отмахнулся опричник, погружённый в размышления. – А что у неё за пёс такой оказался? Боевая порода? Или плод ваших секретных разработок?

– Понятия не имею. Он у баронессы появился недавно, в командировку она прибыла без него. И вообще, пса мы так и не нашли. Как он уцелел после шаровой молнии – ума не приложу! – пожал плечами Мезенцев и озадаченно потёр виски, пытаясь припомнить подробности. – Но почему ты спрашиваешь?

– Потому что догадываюсь, кто ей его подарил, – столь же задумчиво протянул Аскольд. – Кто и почему... Если мы не отыщем никаких зацепок, то ещё останется шанс отыскать Дэя.

– Думаешь, его цель – Хаттори? Но мы точно установили, что контракт на его голову более недействителен, – заметил капитан, сумевший правильно суммировать все факторы и сделать почти те же самые выводы, что и опричник. – Предлагаешь ждать его возвращения?

– Нам мало что остаётся. Разве что... Узнать, кем была вторая похищенная. Сомневаюсь, что её прихватили просто для компании...

* * *

Чувство бессилия для мужчины – одно из самых опаснейших. Не смог, не защитил, не предусмотрел...

И уже неважно – кто ты и на что способен. В решающий момент меня не оказалось рядом. В очередной раз я не смог защитить тех, кто мне по-настоящему дорог.

– Нет!!!

Мой крик, полный ярости и злости, громогласной волной взорвал холодные лазурно-фиолетовые небеса Грани Миров и канул в бесконечной бездне – без следа и малейшего отклика, так, словно его и не было. Державшая меня за руки девушка испуганно отшатнулась и упала на спину. Её испуганный и недоумевающий взгляд несколько отрезвил – это было похоже на жалобную мольбу и подействовало подобно ведру холодной воды.

– Проклятье!!! Проклятье моей семьи! Когда это закончится?! – взвыл я нечеловеческим голосом, не ожидая ответа, а просто пытаясь выплеснуть накопившиеся эмоции.

Но неожиданно получил ответ...

– Избавился бы от первопричины, и не знал бы забот, – тоненько посмеиваясь, произнёс кто-то за моей спиной. – Но ты посчитал сиюминутные дела более важными, за что и заплатился...

Безэмоциональный и бесполой – только так я мог охарактеризовать прозвучавший за моей спиной голос. От него вдоль позвоночника ошутимо потянуло холодком опасности. Медленно развернувшись и встав на ноги, я увидел перед собой создание, ошибиться в сущности которого мне не позволила бы его мертвенно-удушливая аура, что едва заметным ореолом мерцала в вечных сумерках Грани Миров.

Ростом мы были практически одинаковы, разве что за счёт МПД я оказался чуть повыше. Чёрные брюки-хакама и халат-косодэ поверх белой рубашки-ситаги, подпоясанные широким белоснежным оби, традиционные белоснежные носки-таби... А на лице – маска, обрамлённая густой гривой ярко-красных волос. Фарфоровая, со сглаженными невыразительными чертами лица и распахнутой кровожадной пастью, инкрустированной по краям двумя рядами длинных заострённых клыков. Незрячая, с плотно сомкнутыми веками и психоделическими разводами а-ля Роршаг. И да, они менялись, перетекая с места на место, но сохраняя прежнюю симметричность.

Синигами. Когда Смерть обрывает чью-то нить жизни, это всегда дело рук одного из них. Во всяком случае, именно такие легенды слагали в Японии со времён заката эпохи Эдо.

– Приветствую посланника Смерти, – мой поклон был почтителен и глубок, а мысли уже мчались в сумасшедшей карусели, ведь подобные моему собеседнику выступали лишь в роли проводников воли, а никак не послами Богини. – Как мне именовать тебя, жнец душ?

– Моё имя ничего не скажет тебе, последний из рода Хаттори. Мёртвым знания и вовсе ни к чему. Понимаешь, о чём я? – тонко рассмеялся синигами, переступая с ноги на ногу, а чернильное пятно на маске сформировало образ распахнувшей крылья летучей мыши.

– Понимаю, – кивнул я, автоматически нашаривая ладонью рукоятку меча. – Так не терпится забрать меня? Могли бы и поговорить.

– Ты и так долго бегал от меня, – небрежно махнув рукой, синигами вдруг разговорился. – О, удача была на твоей стороне! И всегда рядом оказывались те, кто отводил от тебя угрозу, переиначивая линию твоей Судьбы раз за разом! И всегда это были женщины! Тебе не стыдно?!

– За что мне должно быть стыдно? – искренне удивился я, втягивая синигами в разговор и пытаясь придумать, что делать дальше.

– Сначала вмешалась богиня, потом эта сисястая училка, в третий раз – дамочка за рулём!!! – вдруг психанул посланец смерти ни с того ни с сего, топая ногой. Земля ощутимо дрогнула и пошла сетью светящихся золотистых трещин, а летучая мышь на маске угрожающе оскалилась. – А кровососка?! Если бы не она, разве тот китаец не сжёг бы тебя дотла? А шаманка, что сейчас у тебя за спиной, и вовсе уже два раза отличилась. Не сдерживай она тогда стаю одержимых волков – ты стал бы их добычей, а друзья поспели бы разве что к разделке твоего тела! Не выдерни она тебя ритуалом переноса в последний момент, второй выстрел разнёс бы твою голову... Довольно!!! Смерть всегда получает своё!

Гладкая блестящая поверхность маски подёрнулась рябью – пасть на ней алчуще и широко распахнулась, пятно с узорами вновь изменилось, разбиваясь на десятки шевелящихся щупалец, а сам синигами высоко воздел руки, в которых из пустоты материализовался огромный двуручный меч.

– Довольно!!! – зло крикнул посланник Смерти. – Последний из рода Хаттори, больше ты не уйдёшь от предназначения!!! Тульпа твоей лесной подружки здесь бессильна, можешь не надеяться, что сможешь в очередной раз спрятаться от меня за женской спиной!

– Леон! – раненой птицей вскрикнула Илана. – Беги! Я его задержу!

– Не в этот раз, Илана... В чём-то он всё-таки прав. Отойди подальше, – бросил я через плечо. – И не вмешивайся, что бы ни случилось!

Мой меч плавно покинул магнитное крепление на спине и рванулся навстречу падающей на меня стальной полосе. Глухой и протяжный стон металла столкнувшихся клинков услодой коснулся моего слуха, тело автоматически подстроилось под стойку для жёсткого силового блока.

Одати слегка поддался напору оружия синигами, рассмотрев которое я слегка завистливо выдохнул. Длинный прямой и обоюдоострый клинок с тремя канавками, украшенный ало-чёрным узором из цветов хиганбаны, – он лучился духовной энергией, испуская мягкие волны призрачного свечения. Ухватистая рукоятка, оплетённая траурной лентой, бронзовая цуба в форме хризантемы...

Наклонив клинок вбок, я дал оружию противника стечь по нему и, не мудрствуя, ударил плечом, вкладывая весь вес. Синигами пошатнулся и отступил на пару шагов, с лёгкостью блокируя мой размашистый горизонтальный удар.

Как жаль, что маска не даёт мне разглядеть выражение его лица...

– Мой предок говорил: «Когда дело доходит до схватки, избравшие путь воинов должны думать только об уничтожении врага. Убивать всех, кто окажется на пути, даже если это будет сам Будда». Ты встал у меня на дороге, синигами. И я говорю тебе: не сегодня! Не вынуждай меня убивать тебя!

– Ты споришь с Судьбой?! – разом утратив всю злость, спросил синигами и спокойно приблизился на расстояние удара. Он молниеносно нанёс серию уколов, от которой я уклонился и парировал только последний. – Одумайся, смертный!

Моя контратака наполнила воздух звоном вновь скрестившихся мечей. Клинки сталкивались и расходились, танцуя и выплетая серебристые узоры финтов, размазываясь в пространстве в моменты движения и обретая чёткость линий в моменты столкновений.

– Не сегодня! – повторил я, отступая назад, и отвёл клинок в сторону. – Сойди с моего Пути. И мы встретимся вновь, когда он подойдёт к своему завершению.

– Меня часто просят о подобном, – захихикал мой противник, вставая в классическую для европейской школы позицию. – Вы, смертные, так отчаянно цепляетесь за своё существование... Страшно?

Задушевная беседа не состоялась – увидев на моём лице презрительную усмешку, синигами разочарованно вздохнул и атаковал.

Каскад ударов, обрушившийся на меня, вынудил отступить сразу на несколько шагов. Натиск посланца Смерти не стихал ни на мгновение. Он налетел как шквал, полосуюя воздух размашистыми взмахами порхающего в его ладонях меча. Двуручный клинок вращался и со свистом рассекал пространство, оказываясь то сбоку, то падая сверху, то коварно пытаясь подсесть мои ноги на нижнем уровне, но неизменно разрубал пустоту либо сталкивался с моим одати.

– Танец Смерти? Я согласен, синигами... Потанцуем! Мой хриплый голос вплёлся в симфонию звякающей стали – призвав на помощь всё своё искусство, я отдался во власть захлестнувшего меня транса и сделал шаг навстречу падающему на меня клинку противника...

* * *

Из прошлого мы должны брать огонь, а не пепел...

И этого огня во мне пылало предостаточно. С посланцем Смерти сражался уже не я – священная ярость, вспыхнувшая во мне, превратила мой дух в сгусток чистого и ничем не замутнённого Хаоса. Ощущая то, как энергия разливается по телу, как разум захлёстывает ощущение неземного могущества, я искренне рассмеялся...

Битва со Смертью... Что может быть безнадежнее?!

Но я не имел права на поражение. Из-за тех, кого повёл за собой в беспощадную битву. Из-за тех, чьи жизни и судьбы я взял по праву господина, принимая их клятвы Служения Роду. Из-за тех, кто любил меня и ждал моего возвращения. Из-за тех, кого обязан был защитить.

– Прости, Смерть, но не сегодня... – прошептал я, размазываясь в пространстве и не чувствуя, как стонут от перенапряжения связки и сухожилия. – Ты зря встал на моём Пути, синигами!

И вновь звенела сталь. И вновь стонало пространство, рассекаемое двумя клинками. Смерть и Хаос сошлись в безумном танце, беспощадно корёжа реальность Грани Миров.

– Ты не можешь постоянно противиться Судьбе, смертный!!! Умри же!!! – нечеловечески взвыл синигами, уворачиваясь от мощного рубящего удара по диагонали. Меч всколыхнул его одежды, и он почти ударил в ответ – на возвратном движении рассчитывая достать меня этой коварной контратакой.

Неожиданный мощный кросс с левой, из неудобной стойки, вопреки всем правилам и в полном согласии с доктриной Хаоса – бей в полную силу там, где этого не ждут. Сустав МПД протестующе застонал, но окованный металлической перчаткой кулак всё же нашёл свою цель и встретился с фарфоровой маской моего противника.

Наверное, с таким звуком бьются фарфоровые сервизы. Мелодичный и тонкий хруст, лишь чуть-чуть недотягивающий до звона, сменился воплем боли и злости. Синигами дёр-

нул, отшатываясь назад, и вновь взвыл, судорожно размахивая культей, оставшейся от руки с мечом.

Удар режущей частью клинка лишил его кисти и части предплечья. Новый взмах одачи, который я по-прежнему держал в одной руке, оставил на его бедре глубокий разрез, сочащийся светящимся туманом. Посланник Смерти упал на одно колено, повернул ко мне разбитую в крошево правую часть маски и кровожадно завыл...

Меня отшвырнуло назад – акустическая волна его вопля с лёгкостью оторвала меня от поверхности и бросила, словно детскую игрушку. Пролетев над перепуганной насмерть Иланой, я тяжело грянулся оземь и покатился дальше, безуспешно пытаюсь совладать с инерцией.

Духовная сущность синигами сильно пострадала от меча, благословлённого богиней Амэ и усиленного техникой «Клинка Духа». Сильно, но недостаточно для того, чтобы посланец не смог оправиться от нанесённых мной повреждений. И поэтому, когда я вновь оказался на ногах, он уже мчался ко мне, держа свой меч приросшей обратно рукой. Держал на отлёте, так чтобы задеть шаманку, пробегая мимо неё.

– Сука! – против воли вырвалось у меня. – Илана, берегись!!!

Я видел, как двуручный клинок лишь слегка коснулся девушки, отчаянно пытавшейся увернуться... Время дрогнуло и потянулось тягучей патокой – обострившееся на доли секунды восприятие словно в насмешку позволило мне увидеть окрасившееся кровью лезвие и...

Глухо взревев, я выплеснул всю свою злость, всю ненависть, всю ярость в сформированное «Лезвие Мщения». Крутанув одачи в руках, каскадом из быстрых ударов вспорол ткань пространства и увидел, как возникающие из подпространства клинки подрезают и сбивают мчащегося противника с ног. Илана пошатнулась и, тонко вскрикнув, мягко упала, но тут же завопилась, стараясь отползти подальше от рухнувшего неподалёку от неё синигами.

Его попытку подняться я встретил футбольным пинком с разбега – голова в маске безвольно мотнулась, и посланец Смерти вновь уткнулся в землю. Наступив ему на спину, я схватил его за длинные густые и красные волосы, силой вынуждая выгнуться.

– Я заберу твоё лицо, слышишь?

Мой вопрос вызвал у синигами протестующий и неразборчивый возглас. Он даже попытался выбраться, но я всем весом навалился на ногу, пресекая его попытки на корню, и, взявшись за край, грубо рванул остатки фарфоровой маски, отделяя её от головы своей жертвы. Она оторвалась с влажным треском, снимая с черепа кожу и плоть...

– Никто не смеет вставать у меня на Пути! Мой Путь ещё не окончен!!! Запомни это, синигами, запомни сам и передай другим... – с рычащими интонациями произнёс я, кроша фарфор в сжимающейся перчатке и улыбаясь, слыша, как воеет теряющая часть своих сил сущность. – Моё время ещё не пришло. Я сам позову вас...

Оставив израненного противника скулить на земле, я подобрал его меч. Двуручный клинок протестуяще замерцал и рассыпался пригоршней золотистой пыли, впитавшейся в мою правую руку. Пожав плечами, я не стал заморачиваться разрешением очередной загадки и кинулся к шаманке. Девушка уже оправилась от ужаса и с досадой рассматривала длинный кровотокающий порез на рёбрах. Увидев меня, она отвлеклась от раны и облегчённо вздохнула:

– Ты – сумасшедший! Никто не спорит со Смертью!

– Ты ошибаешься, Илана. Каждый день спорим, – вымученно улыбнулся я и присел рядом с ней, просовывая под неё руки и помогая уцепиться за плечи и шею. – Встаём. И уходим отсюда...

* * *

– Всего одна рана – и ты носишь меня на руках! Мне кажется, давно стоило хотя бы подвернуть ногу...

Радостный щебет Иланы ласкал слух и вызывал обоснованные подозрения в кажущейся тяжести её ранения.

Девушка буквально расцвела, оказавшись у меня на руках, и с тех пор, как тело синигами осталось далеко позади, не умолкала ни на секунду.

– Он говорил про какую-то тульпу... – вспомнилось мне. – О чём шла речь?

Шаманка заинтересованно взглядела в мои глаза и, не уловив в них ничего кроме искреннего любопытства, решила ответить, но перед этим завозилась, основательно и удобно устраиваясь на моих руках.

– Тульпа – это одна из духовно-мистических практик. В данном случае вместилище моего духа, созданное усилием воли и ритуалов, посредством которого я путешествую по Грани Миров или Астралу.

– Сейчас ты путешествуешь посредством меня, – веско заметил я. – Дай волю, уже на шею бы забралась.

– Жалко, да? – надула губки девушка. – Тоже мне, жених...

– Это что ещё за новости?

– Правильно мама говорила: мужикам только дай повод отказаться от взятых на себя обязательств! – улыбаясь, качнула она головой. – Великий хан Забайкальский должен будет взять меня в жёны по достижении своего совершеннолетия и тем самым закрепить наш вассальный договор.

– Если до той поры девица Илана не изъявит иной воли и не отыщет себе иного жениха, – на память процитировал я устную договорённость с Советом Вождей народа Э'Вьен.

– Не собираюсь я себе никого искать! Меня всё устраивает, – заявила девушка, фыркнула и отвернулась. – Что ты ещё хочешь узнать?

– Многое. Например... Куда мы идём? – сказал я после недолгой паузы, продолжая быстрым шагом преодолевать расстилавшуюся передо мной равнину.

– Я не учла твоё неоконченное обучение. Инициированный Охотник, не знающий до конца своих способностей? В такое невозможно поверить! Чему только тебя учил дух твоего предка?

– Ты знаешь?! – удивился я, делая зарубку в памяти как следует расспросить деда о способностях шаманов и магов. – Как давно?

– Догадалась. Времени было предостаточно, да и отец кое-что рассказал о вашей беседе. Сопоставила факты, отмела возможность одержимости, в которую так верила изначально. Истина оказалась на поверхности, – пожав плечами, ответила девушка. – Мы идём к выходу из измерения.

– И как его отыскать? Направление движения выбрано случайно. Иду куда глаза глядят.

– Самый верный способ для Охотника на Демонов. Ваше чутьё служит вам компасом. Достаточно лишь пожелать выбраться – и твои ноги сами вынесут тебя к ближайшему portalу.

Пустошь Грани Миров не баловала разнообразием пейзажа – голая, каменисто-безжизненная земля простиралась куда ни глянь. Ни гор, ни холмов, ни впадин, только неровное плоскогорье с небольшими трещинами-каньонами.

– В пропасти и соваться не вздумай, – тяжело вздохнула Илана, когда я встал на краю одной из трещин и аккуратно заглянул в приоткрытую пасть каньона. – Это проходы в Нижние Миры, на территории демонов.

– А Небесные Сферы? – спросил я, с опаской отодвигаясь от пролома в земле и продолжая путь.

– Чтобы попасть в них, придётся научиться летать. Не зря же посланники богов почти у всех народов изображаются с крыльями!

– А как выглядит портал? Случайно, не что-то светящееся и похожее на разлитую ртуть?! – вопросы продолжали сыпаться один за другим. Знания поглощались мной столь жадно, что это даже вызвало некое внутреннее удивление.

– Да! – обрадованно вскрикнула шаманка и, позабыв о ранении, спрыгнула с моих рук. – А я уже боялась, что наше путешествие затянется... Тебе как можно скорее нужно вернуться обратно! Обратно в Россию!

Сделав это ответственное заявление, девушка бегом направилась к плещущемуся на земле portalу и, встав рядом с ним, призывно помахала рукой:

– Скорее, Лео, скорее! Пусть тебя не обманывают эти пустоши. Если мы нарвёмся на демонов, то возвращение может и не состояться. Поспеш!

Лужа жидкого металла, в испарениях которой мелькают золотистые искорки? Не так я себе представлял портал между мирами. Застыв на её краю в нерешительности, я словно упёрся в невидимый барьер и внезапно задал себе вопрос: а готов ли я к возвращению?

– Скажи мне, Видящая... Что я делаю не так?

– Мои пророчества не дают подобных ответов, – едва слышно прошепел голос шаманки. Обернувшись, я увидел, как истает её силуэт, как бледнеет и осыпается шрам, уродующий её стройное загорелое тело, как меркнут искры в её глазах. – Есть лишь видения: смутные и неясные. Есть лишь выбор: карать или проявлять милосердие.

Благодарно кивнув, я закрыл глаза и шагнул в портал, проваливаясь в удушливую темноту...

* * *

...Обжигающая боль вновь опалила щёку, оголяя поджившую было рану – второй плазменный шар также не достиг своей цели и с гудением помчался мимо, прихватив с собою часть моего лица, и только чудом пощадил мой глаз. Но, зная ход противника наперёд, можно заранее подготовить ответный.

И всё же нельзя недооценивать своего врага.

Соткавшаяся на поверхности МПД дымка Доспеха Тьмы развеялась так, словно её никогда не существовало. Чувство пустоты поселилось где-то глубоко внутри меня, чувство пустоты и страшной утраты – только так можно охарактеризовать ощущения человека, долгие годы практиковавшего искусство манипуляций энергией, пронизывающей всё сущее.

Скрутив тело в отчаянной попытке уйти с линии огня, я похолодел от осознания произошедшего, имевшего лишь одно логичное объяснение.

Подавитель.

Чёртово изобретение Древних, гасившее любое проявление стихийной энергии в определённом радиусе вокруг применившего.

Подавитель в руках моего врага, и так вооружённого плазменным пистолетом, против которого бессильна даже броня моего навороченного МПД. Она могла выдержать максимум одно попадание, вслед за которым придёт неминуемая смерть...

Новый косматый комок голубого огня прочертил глубокую канаву на моём правом наплечнике. Автоматическая система сброса накладных элементов брони отстрелила его в сторону моего противника, выиграв мне ещё несколько мгновений.

Шаг влево, быстрый разворот, прыжок, усиленный псевдомускулами МПД, сальто в воздухе...

Такёда танцующим движением ног сместился вправо, провожая мой силуэт стволом плюющего плазмой пистолета...

Три миниатюрных взрыва вспухли в воздухе между нами – сброшенные во время сальто пластины брони столкнулись с плазмой, принимая на себя выплеснувшуюся разрушительную энергию и давая мне завершить акробатический кульбит.

Подбив ствол пистолета вверх, я с разворота ударил локтём в корпус МПД противника, вкладывая в удар инерцию и вес тела в доспехе. Нобуо вздрогнул и слегка скривился, в ответ саданув меня рукояткой пистолета по голове. Его сосредоточенное лицо перед моими глазами поплыло, теряя чёткость...

Закончив разворот, я практически вслепую провёл фронт-кик и интуитивно поднырнул под вновь направленный на меня ствол. Захват за предплечье, небольшое усилие скрученного корпуса, рывок...

Академический бросок через плечо удался на славу – Такэда не ожидал борцовского приёма и грузно впечатался в землю, выронив пистолет и смачно кхекнув. Продолжая контролировать его руку, я максимально аккуратно прижал его голову ногой и активировал скалолазные захваты на стопе. Треугольные птичьи когти из стали разошлись в стороны и нежно сомкнулись на его черепе, надёжно фиксируя стратега клана Такэда в неудобном положении.

– Вы поступились законами Чести и вели себя недостойно, – устало сказал я, испытывая огромное облегчение и чувствуя, как меня начинает бить крупная дрожь. – Сдавайтесь, Нобуосан... Достаточно смертей.

Глава 2

Расплата

Даже опытный кукловод должен быть внимателен и осторожен. Малейшая неосторожность, всего одна допущенная ошибка способна незаметно переплести нити управления марионеткой, и тогда каждая привычная манипуляция неожиданно приобретает непредсказуемые последствия.

– Ты отвратителен! Зачем всё это? Избиение, наркотики, глумление... Странно, что ты ещё никого не изнасиловал. Я бы уже не удивилась, – отчеканила Мэйли, отстраняясь от похабно распахнувшего объятия Дэя-младшего. – Не приближайся ко мне!

– Боишься запачкаться грязью, принцесса? Грязь смывается легче, чем кровь. А кровь друзей и соратников вообще нельзя смыть, – съязвил нарочито оскорбившийся учитель, пожимая плечами, и добавил безразличным тоном: – Так зачем тебе понадобилась вторая баба?

Мэйли закатила глаза, отмахнулась, не желая отвечать и отворачиваясь от своего союзника в нелёгком деле осуществления мести. Кабинет в её личном загородном доме имел выход на балкон, и она отправилась к нему, не заметив, как зло сверкнули глаза Дэя.

Мужчина одним прыжком преодолел разделявшее их расстояние и грубо схватил девушку за волосы, заплетённые в длинную смолянисто-чёрную косу. Рванув её вниз и вынуждая девушку неосознанно задрать подбородок вверх, он второй рукой ухватил её за горло и медленно сжал на нём длинные сильные пальцы. Втянув расширившимися ноздрями тонкий аромат, исходящий от кожи и волос Мэйли, Дэй-младший смежил веки от удовольствия и горячо зашептал:

– Ты слишком много на себя берёшь, женщина! Ты осмелилась использовать меня, да, сучка?!

Мэйли жалобно застонала и дёрнулась, но опытный наёмник легко переборол её сопротивление, ударом под колено бросив на ковёр кабинета. Намотав косу на кулак и выпустив горло, Дэй сильными и хлесткими пощёчинами дезориентировал девушку и, придавив её грудь коленом, переспросил:

– Зачем нужна вторая баба?! Кто она такая?! Отвечай!!!

– Ты пожалеешь об этом, Дэй!!! – закричала Мэйли в ответ и сдавленно застонала, чувствуя, как колено мужчины давит на грудную клетку, выдавливая из лёгких воздух. – Ты ещё пож...

Новая пощёчина не дала ей договорить и оставила ещё один багровый след на смуглой коже девушки, а её разбитая губа медленно засочилась кровью.

– Я научу вас повиновению, твари! Ты ещё будешь радостно визжать и умолять меня о новых приказах, принцесса. И тогда я верну тебя твоему отцу, который слишком заигрался, раз решил выступить против моего клана!!! – заорал Дэй в ответ, вставая, и рывком за косу потащил закричавшую от боли пленницу за собой. – Хороший дом. Апартаментов в подвале достаточно, крысы упитанные и наглые, со стен капает вода...

Завладевшая Мэйли паника не утихала. Наёмник тащил её за волосы и орал, награждая сильными пинками по рёбрам. Не понимая, что происходит и откуда вдруг взялась такая сильная перемена в его настроении, китаянка словно позабыла всё, чему её когда-то учили, и полностью отдалась во власть охватившего её страха. Ведь первая же её серьёзная попытка бессильно разбилась о хлещущую электрическим током ладонь. Всплески боли от серии быстрых, ослепляющих пощёчин лишили её тело способности двигаться. А силы духа оказалось недостаточно, чтобы противиться этому.

Деревянные лакированные половицы пола украсили несколько зарисовок из её крови – рассечённая бровь, разбитые пухлые, карминно-алые губы, сломанный аристократичный точёный нос оставляли яркие смазанные следы в месте соприкосновений...

Дэй целенаправленно разрушал красоту принцессы, превращая её лицо в парализованную мучениями маску.

– Она... Учительница в его школе... – сдавленно простонала Мэйли, признаваясь в глупости не ему, а самой себе. – Он влюблён в неё... А я...

– А ты решила одним ударом избавиться от соперниц. И преподнести ему меня в качестве свадебного дара. Ты ещё более омерзительна, чем я. Возможно, мы даже сработаемся... Но это всё будет потом, когда я сниму шкуру с этого всеобщего любимца. Он обрадуется, когда увидит весь свой гарем у меня в руках... – свистящим шёпотом заключил Дракон, продолжая тащить вяло трепыхающуюся девушку в подвал.

Маленький особняк в двадцати километрах от города идеально подходил на роль тюрьмы для всех трёх пленниц. Мэйли сама призналась Дэю, что отец не знает о доме, а прислугу она отправила в заслуженный отпуск на две недели. Наёмник удовлетворённо кивнул собственным мыслям, ещё раз пнул девушку, заставив её закашляться и скорчиться на полу подвального блока с камерами.

– Ты заслужила пощадку, сучка. Я займусь твоим воспитанием чуть-чуть позже. Надо подготовиться к встрече дорогого гостя. Не скучай!

– Подожди... – проскулила свернувшаяся в клубочек Мэйли. – Посади меня вместе с учительницей. Она – слабый целитель. Без её помощи я умру!

– Хорошая мысль. Но я посажу вас всех вместе. Вампириша плохо выглядит, а мне нужна живая приманка. Умница, Мэй! Ещё один шаг к моему прощению сделан, – говорил он, вскрывая дверь камеры Алексы, затаскивая полубессознательную китаянку в сырой и холодный карцер. – Помощь уже в пути! Ваш принц будет своевременно извещён о местонахождении башни с тремя принцессами и злого дракона. Голодного и очень злого дракона...

Оплеуха на прощание выбила из Мэйли остатки сил к сопротивлению, и она ощутила, как действительность уплывает от неё всё дальше и дальше. Последнее, что она слышала, – это звук шагов Дэя, скрежет замка и его слова:

– А кто это тут у нас такая красивая? А у парня хороший вкус...

И тогда тьма беспмятства поглотила её...

* * *

В самой отчаянной и крошечной тьме рождаются проблески света, вселяющие в сердца надежду и веру в лучшее...

Поднявшийся ветер разметал скученные в небесах пепельно-чёрные тучи, бесстыдно обнажая притаившееся за ними солнце. Поле недавней битвы затопило потоками ласково-жёлтого света – воины четырёх армий, победившие и проигравшие, ликующие и угрюмые, окровавленные и обугленные как головешки, измазанные в грязи и насквозь пропитанные потом, – все они так или иначе, но подставляли свои лица нежным касаниям светила, наслаждаясь мимолётным ощущением мира, спокойствия и тепла.

Корпус подбитого моими асигару среднего МД «Враджимуши» практически остыл: разгорячённая боем броня больше не подвергалась воздействию высоких температур, а реактор переключили на энергоснабжение лагеря. Лежать на нём становилось всё менее комфортно, металл начал вытягивать тепло из моего организма. С сожалением вздохнув, я рывком изменил положение и уселся в «лотос», оглядывая импровизированный штаб моей гвардии. Десяток просторных брезентовых палаток, ворох трофейной аппаратуры в окружении колдующих

над ней специалистов, снующие туда-сюда и нагруженные различными сумками и ящиками асигару, парочка медиков в некогда белых халатах поверх камуфляжной формы, вышедшая покурить из развёрнутой на базе трофейной медицинской машины операционной...

Битва за Мацумото щедро взяла свою плату кровью. Четырнадцать тяжёлых пехотинцев, не включая командора Тарао, – вот и всё, что осталось от элитного подразделения гвардии. Ещё семеро бойцов оставались на грани между жизнью и смертью, поддерживаемые лишь медсистемой своих костюмов. Потери среди асигару были ещё более ужасающими: из двух с половиной сотен в живых осталось чуть больше сотни, но каждый имел ранение, а порой и не одно.

Козырная карта, использованная мной без зазрения совести, лишь на время уравнила наши шансы. Даже Одержимые оказались не способны разгромить численно превосходящего противника и лишь вынудили воинов врага поперхнуться собственной кровью, на время уравнив наши шансы. Исход битвы не могли решить ни измотанные наёмники, неожиданно совершившие вылазку вопреки приказу своего командира, ни жалкие остатки моих войск.

Мы были обречены. И даже пленённый стратег клана Такэда предпочитал жизни смерть, отказываясь передать своим солдатам приказ о сдаче. В его глазах я увидел только непоколебимую решимость и надежду довести дело до конца...

– Хаттори-сама! Хаттори-сама! – прокричал снизу взъерошенный и чумазый асигару, складывая ладони рупором для лучшего эффекта. – Хаттори-сама, союзники из клана Токугава прибыли для переговоров! Требуется ваше присутствие!

Прокричал, видимо, уже не в первый раз, так как интонации его уже превысили положенный при почтительном обращении тон. Мягко спрыгнув с плеча, лежащего на боку МД, я пружинисто приземлился, коснувшись рукой рыхлой, ещё хранящей тепло битвы земли. Избавившись от пехотного доспеха, тело буквально ликовало от счастья, не ощущая веса самой обычной полевой формы.

Благоговейный взгляд асигару, застывшего передо мной зачарованным сусликом, вызвал недовольный вздох. Blyat! Ещё один почитатель, для которого я стал живым воплощением сказок и легенд. Даже моё уродство – обезображенная плазмой часть лица, наскоро обработанная целителем и представляющая собой огромный багровый рубец – даже оно не пугало его, а, казалось, только добавляло моему облику героизма. Как всё это не вовремя!

– Показывай дорогу. И доклад. Кто, сколько, как себя ведут. – Мой усталый голос с властными интонациями вывел гвардейца из транса. – Коротко и информативно. Понял?

– Повинуюсь, Хаттори-сама! – почтительно поклонился солдат. – Следуйте за мной. Прибыло шестнадцать человек...

Выдерживая дистанцию в шаг, мы быстро прошли насквозь бивуак моей гвардии. Отстранённо отвечая кивками на редкие приветствия и пожелания моих воинов, я прокручивал в голове услышанное о союзниках. Мне было над чем подумать.

Токугава Тенри. Наследник рода Токугава. Амбициозный, хитрый как лиса, алчущий власти и более высокого положения в обществе. Полная противоположность своего отца. Память Леона подсказывала: по информации СБ рода Хаттори, Тенри не раз участвовал в сомнительных предприятиях ради извлечения выгоды или приобретения рычагов влияния на мелкую аристократию. Политика главы рода Токугава, напротив, способствовала сглаживанию острых углов и налаживанию добрых взаимоотношений, поэтому столь противоречивые методы порой сводили на нет усилия обоих политиков рода.

Времена величия канули безвозвратно. И если Токугава Нэо это понимал и пытался жить согласно законам нового мира, то Тенри всей своей сущностью отчаянно сопротивлялся дей-

ствительности, надеясь воссоздать клан и вернуть утраченное. Точнее, отобрать его у виновника всех бед рода Токугава.

Императора вся эта возня у него за спиной только забавляла. Осознав этот факт, я впал в кратковременную прострацию – правитель страны самонадеянно закрывал глаза на зреющий под носом заговор, милостиво позволяя всем недовольным сплотиться и вынашивать планы переворота. Либо император держит руку на пульсе событий, либо рано или поздно его ожидает неприятный сюрприз.

Тенри прибыл в сопровождении старших офицеров и немедленно «качнул права» на долю от трофеев, намереваясь захватить себе как минимум половину от общего количества захваченных шагоходов и МПД.

Союзника было необходимо тактично поставить на место. Но как это сделать, я совершенно не представлял.

Трофейная штабная палатка представляла собой реконструированный полевой шатёр полководца эпохи Эдо. Не обошлось без обязательных ширм, остатки которых обугленными кучками валялись у входа, под ногами неподвижно застывших в карауле бойцов из тяжёлой гвардии рода Хаттори. Недовольно скривившись, я не сдержался и поморщился – поджившая рана, растревоженная мимикой, дала о себе знать пульсирующей острой болью, сверлом ввинчивающейся в мой череп.

– Всё равно в ближайшее время мне не светит улыбаться... – прошептал я, задержавшись перед караульным и жестом привлекая их внимание: – Свободны, бойцы. Вам необходим отдых. Выполнять!

Гладкие овальные личины «Ронинов» полыхнули отблеском алого пламени активированного интерфейса экстренной связи. Дисциплина взяла своё, и охранники решили оспорить мой приказ у командира гвардии. Невозмутимо проигнорировав данный бунт, спокойно дождался окончания сеанса связи и добавил:

– Дисциплинарное взыскание по возвращении на базу. В следующий раз казнь на месте заслушание...

Спустя мгновение бойцов как ветром сдуло. Мысленно поздравив себя с появлением замашек тирана и самодура, я отодвинул полог палатки и прошёл вовнутрь.

Как раз к тому времени, когда конструктивный диалог окончился, и вот-вот могла наступить активная фаза размещения возникшего конфликта.

– Отставить, командор! – хриплым карканьем ворона мой голос нарушил гармоничную какофонию угроз и последних предупреждений, коими участники спора обильно сотрясали воздух. – Отставить! Мечи в ножны, воины рода Хаттори! Мечи в ножны!

Образное на первый взгляд воззвание, присущее скорее романам века эдак девятнадцатого, на самом деле было актуально как никогда – трое моих Клинков уже практически выудили свои модифицированные гатаны и готовились пустить оружие в ход.

– Рад приветствовать вас, Тенри-сан, – холодно, опуская градус интонаций заметно ниже ноля, произнёс я, обращаясь к лидеру союзников, словно не замечая полутора десятков воинов за его плечами. – И да будут милостивы боги к вашей семье! Все переговоры по разделу трофеев стоило бы отложить до лучших времён, но раз вы настаиваете, я готов провести их немедленно. Вы же не думали, что решение будут принимать мои люди?

– Радость нашей встречи, Леон-сан, не омрачит даже это маленькое разногласие! – покровительственно произнёс Тенри, делая шаг мне навстречу, и едва обозначил приветствие лёгким наклоном головы. – Разве у нас есть что по-настоящему делить? Мы хотим лишь того, чего заслужили по праву победителей.

Его угловатое и вместе с тем слегка приплюснутое лицо, слегка вытянутое книзу, излучало высокомерие и снисходительность. Оттенявшая узкие, мертвенно-бледные губы тонкая чёрная полоска усов плавно перетекала в изящную и ухоженную бородку – Тенри слыл щёголем даже в чересчур внимательной к внешнему облику среде аристов.

Английский МПД «Эсквайр», в котором он явился ко мне в лагерь, блистал хромом и позолотой, нетронутый ни одной пулей или осколком. Вложив всё презрение к уклонившемуся от схватки аристократу, я медленно проговорил, стараясь как можно меньше шевелить ртом:

– Мы чтим тех, кто пришёл нам на помощь в отчаянные времена. Мы чтим память тех, кто пал вместе с нашими воинами. И нет достойной оплаты, что мы могли бы предложить взамен их жизней. Благородные поступки не имеют цены, а попытку её обозначить я сочту за оскорбление памяти героев. Раздела трофеев не будет. Часть из них будет передана роду Токугава в качестве дара, а остальное пойдёт на восстановление боевой мощи рода Хаттори и разрушенного замка, что отныне и навсегда станет вотчиной рода Хаттори. Слово сказано!

Что ни говори, Тенри умел держать удар и принимать быстрые и, что немаловажно, правильные решения. Его поклон на этот раз был значительно более глубок, но в глазах мелькнула затаённая злоба на подростка, вырвавшего у него из пасти вожаемый кусок. В свете произнесённой речи начинать торг для него означало потерю лица. А добить остатки рода Хаттори ему не позволяла репутация. Такого не простят ни одному роду, ни одному клану.

– Война с кланом Такэда не входила в наши планы. Род Токугава не станет принимать в ней участие. Мы сполна оплатили свой долг, Хаттори... сан, – прозвучало решение Тенри, а нестройный аккомпанемент согласного шёпота его офицеров словно придал ему уверенности: – Отныне и навеки между нашими родами нет ничего общего. Слово сказано!

Устало прикрыв глаза, я выразил тем своё согласие. Общее количество врагов рода только что приросло ещё одним. Рано или поздно, но Тенри придёт отобрать то, чего он сегодня лишился.

– Всего доброго, Токугава-сан. И да будут милостивы к вашей семье боги! – попрощался я, обращаясь к спинам уходящих, и добавил вполголоса: – Что-то мне подсказывает, что без милости богов вам никак не обойтись.

Но это была уже совсем другая история...

* * *

Принимая всё происходящее в жизни как вызов, поневоле обретаешь внутреннее умиротворение. Нет ни хорошего, ни плохого, есть только проблема, решение которой нельзя отложить на потом. Решение, сокрытое в самом человеке. Познавая себя, человек разгоняет тьму неизведанного светом своего сердца, навсегда принимая сделанный им выбор и отрекаясь от того, что он должен был сделать. Ведь доводы сердца не совпадают с велением разума.

Бросив всё и примчавшись на помощь наёмникам, захватившим Мацумото ради выполнения плана полковника Танаки, я сделал свой выбор и более не имел права сожалеть о содеянном. И всё же достигнутая цель имела свою плату, с истинным размером которой мне только предстояло столкнуться в самое ближайшее время.

Медицинские бригады из Нагано прибыли ранним вечером. Вызванные из города специалисты немедленно развернули полевой госпиталь и начали готовить тяжелораненых к транспортировке, не делая разницы между моими солдатами и клановцами. Имперское подданство медиков служило им лучшей защитой и позволяло не особо считаться с моим мнением по этому вопросу.

Но я и так не хотел новых смертей, считая их количество более чем достаточным для одного дня.

– Господин! – негромко окликнул меня командор Тарао. – Командиры наёмных подразделений просят вас оказать честь и принять их для доклада.

Сухощавый Такихиро устало массировал виски, полагая, что проявление моей усталости останется для меня тайной, ведь в его понимании у меня отсутствовал третий глаз на затылке. Но прерванная им медитация позволяла видеть значительно большее, чем то, что происходит у меня за спиной. Астральное тело почти час невесомо парило над полем битвы.

Достигнутая цель начинала взимать свою плату.

Мешанина брони, человеческой плоти и костей там, где грудь на грудь сошлись тяжёлые гвардейцы, теперь лежащие на земле, перепаханной взрывами и ногами шагоходов. Застывшие в агонии лица и оскаленные рты за потрескавшимися забралами шлемов, противоестественные и противоречивые позы изломанных смертью тел, чернильная тьма обгорелых стволов и расколотые на части элементы композитной брони в обрамлении человеческих внутренностей...

Три неясные тени на огромном камне возле выжженного дотла пятачка земли. Техника Огня не оставила бедолагам ни малейшего шанса...

Хриплое карканье воронов над разрубленными на части асигару, что лежали вповалку, словно скошенные серпом снопы там, где прошли разъярённые тэнгу, среди разорванных и втоптаных в грязь багровых знамён с белыми ромбами...

Подтаивающие ледяные скульптуры среди палаток китайских наёмников – выглянувшее не по-зимнему тёплое солнце ещё не успело обнажить скованных лютой стужей людей, и они медленно истекали талыми ручейками слёз...

Дымящийся остов обглоданного до руин замка...

– Господин?..

– Пригласите командиров, Тарао-сан. Интересно на них взглянуть, – ответил я, вынырнув из медитативного транса, внутренне содрогаясь от увиденного, и встал с постеленной на земляной пол циновки.

Часть вины за произошедшее лежала на мне. И от осознания этого факта мне было негде скрыться, как, впрочем, и негде искать оправдания для содеянного.

Вопреки ожиданиям, в палатку, где обустроили место для совещаний, вошло всего двое. Мужчина и женщина. Верно истолковав мою приподнятую бровь, жгучая брюнетка с невообразимо сексуальной внешностью латиноамериканского типа одёрнула полы распахнутой кожаной куртки и глубоко поклонилась, чётко докладывая:

– Наш коллега в бессознательном состоянии и потому не может предстать перед вами, господин Хаттори. Говорить от лица отряда «ушкуйников» буду я, Катаlea Браво, командир отряда «Conquista».

– Командир отряда «Ультрамарины», Стивен Флэшмен, – тотчас отреагировал аристократично-бледный блондин, чей поклон был значительно менее уважительным, что было неудивительно, если взять в расчёт его древнюю фамилию британских аристо.

– Жаль, что наше знакомство произошло при столь печальных обстоятельствах. Мои соболезнования, господа командиры. Мы воздадим честь павшим и позаботимся об их семьях, – чувствуя невероятную усталость, сказал я. – Подробный отчёт о проведённых в рамках контракта действиях вы можете сделать позднее или предоставить его в письменной форме. Контракт закрыт, его требования признаны исполненными в полной мере, но пролонгировать его я не стану. У меня есть лишь один вопрос.

Наёмники удивлённо переглянулись. Катаlea безмолвно пожала плечами в ответ на вопросительный взгляд своего коллеги. Дождавшись окончания пантомимы, я заговорил, объясняя и задавая, наверное, самый бесполезный из всех вопросов:

– Из отчётов, предоставленных мне полковником Танакой, мне стало очевидно, что партизанская война имела чёткий план и осуществлялась поэтапно. Всего этого можно было избе-

жать. Полковник Танака говорил, почему вы не уничтожили верхушку клана первым ударом? Сил на осуществление одной операции подобного типа у вас было предостаточно...

Наёмники вновь переглянулись. Латиноамериканка неожиданно приблизилась, преодолевая разделявшие нас несколько метров, и упала на одно колено, успев подать сотоварищу какой-то знак парой непонятных мне жестов. И заговорила. Сбивчивым, едва слышным шёпотом, так, словно не хотела, чтобы замерший на своём месте Флэшмен услышал её.

– Мы выполняли устное дополнение от нанимателя: способ победы – вопрос чести! Полковник Танака счёл необходимым сберечь репутацию рода Хаттори и не замарать её участием в геноциде. В качестве искупления за невыполненный до конца контракт он стал «священным ветром ярости».

– Узнаю своего отца, – помолчав, проронил я. – Мне нечего добавить к своим словам. Перевод премиальных и похоронных денег уже инициирован. Полковник Танака навсегда войдёт в историю моего рода как его преданный воин, а семье будут оказаны соответствующие почести. Есть какие-либо пожелания?

– Мы хотим завершить начатое, – подал голос молчавший до той поры Стивен. – Все три отряда готовы продолжить войну под вашим началом в качестве единого военного формирования.

– Я не буду продлевать контракт, – отрезал я. – Погребальная церемония состоится после заката. Мы продолжим разговор после того, как начнётся рассвет следующего дня...

* * *

Память неотделима от личности. Утрата одного влечёт разрушение другого. Обретенная полностью, память брата несла в себе его послание.

Он попрощался и просил завершить начатое им дело – своими руками восстановить свой собственный внутренний мир.

Одинокая слеза застыла в уголке глаза. Сморгнув её, я прикоснулся к одному из неприметных камней в подвале чудом уцелевшей башни и надавил на него всей ладонью. Прямоугольный кусочек стены с натугой ушёл в глубину стены, активируя скрытый механизм.

Слуха коснулось едва слышное гудение сервомоторов, сдвинувших стену вокруг своей оси для создания широкого прохода, пригодного даже для транспортировки крупногабаритной мебели или бытовой техники. Тьма дохнула в лицо кондиционированным воздухом. Рой миниатюрных светлячков сорвался с моей ладони и густым пчелиным роем промчался под потолком прохода, растягиваясь по всей его длине вереницей крохотных пульсирующих истинным Светом маячков. До тех пор, пока часть этой цепи не канула в темноте.

Лестница. Миновав длинный коридор и преодолевая её ступени, я мысленно взывал к богам, продолжая отрицать очевидное.

Минус третий этаж.

В памяти цветной каруселью проносились обрывки воспоминаний...

Отец, водивший Леона этими ходами и тщательно следивший за тем, чтобы сын наизусть заучил алгоритмы смены паролей в убежище.

Строгая серо-стальная панель, вмонтированная в стену рядом с мощным шлюзом.

Танцующие по кнопкам пальцы.

Восемнадцать цифр кода на основе системы исчисления, пригодной лишь для открытия дверей, подобной этой.

Открытие дверей убежища занимало у механизма около пяти минут. Усевшись в медитативный лотос, я погрузился в спасительную пустоту, вышвырнув из головы всё лишнее. Грохотали шестерни механизмов, шипели разгерметизируемые диафрагмы шлюза, открывались вентиляционные люки, тоненько пищали приборы анализаторов. Я был взвешен, я был изме-

рен и признан имеющим право входа в самую защищённую часть замка. Высокотехнологичные методы определения личности соседствовали с древним мистическим способом проверки принадлежности к определённой родовой группе.

Только Маэда и Хаттори могли пройти защитный периметр так, словно его не существовало. Гипотетический шанс устоять перед защитой места Силы в прямом противостоянии имел разве что виртуоз.

В каждом по-настоящему древнем японском замке есть подобное родовое место Силы. Требовалась перемена нескольких поколений, прежде чем замок перенастраивался на новых владельцев.

Это был МОЙ замок. По праву Крови и Силы.

Но сейчас я должен был в этом убедиться. Потому что память брата явственно намекала, что недурно было бы проверить главное убежище Мацумото.

Лепестки диафрагмы шлюза разошлись в стороны с тихим металлическим шелестом. В залитом белым светом идеально круглом коридоре уже стоял рослый широкоплечий мужчина в одеяниях правителя. Вышитый чернильной нитью цветок из пяти крупных точек вокруг одной маленькой на белом фоне. Породистое благородное лицо с аккуратной бородой... Очень знакомое лицо.

– Маэда-сама... – я плавно перетёк из «лотоса» в позу «сэйдза» и церемонно коснулся лбом гранитных плит. – Самурай из рода Хаттори, Леон, сын Хикару. Мой меч и моя жизнь принадлежат вам...

– Встань, Леон, встань, – тихо произнёс Маэда Ючи, лучший друг и сюзерен моего рода. – Дай мне обнять тебя, сын рода Хаттори...

* * *

Сотни крохотных и дрожащих в ночи огоньков усыпали собой тёмную громаду разрушенного замка Мацумото. Десятки людей стояли на обломках стен и башен, образуя широкий круг вокруг осыпавшегося основания донжона крепости. Ветер трепал многочисленные флаги, пылали церемониальные факелы, установленные с соблюдением всех традиций – подвальные кладовые замка щедро одарили людей всем необходимым для прощания с павшими, чьи тела были сложены на подготовленных погребальных кострах. Так велела древняя традиция.

Воины уходили в иной мир через очистительное пламя...

Каждая свеча в руках пришедшего на церемонию символизировала огонь души павшего в бою воина. Сотни и сотни, они мерцали в темноте, разбрасывая лучики света, тщательно оберегаемые руками людей от любой угрозы. Кто-то мысленно обращался к ушедшему другу и соратнику, кто-то к брату или сестре, кто-то к родителям или детям...

Каждый имел свою утрату.

– Провожая тени наших товарищей в иной мир, мы отдаём им должное, поминая в молитвах или желая благого посмертия. Провожая тени наших врагов, мы избавляем мир от зла и ненависти, избавляя их от гнёта мести и неупокоенной ярости, – речитативом заговорил я, обращаясь к собравшимся у расчищенного крыльца донжона. – В том состоит наш долг. Долг живых перед мёртвыми.

Огоньки выхватывали из темноты их руки и лица. Они слушали, стараясь не издавать ни звука. Только изредка передавая слова дальше тихим шёпотом, они переводили услышанное – мужчины и женщины разных национальностей, разных убеждений и религий стояли плечом к плечу, единые духовным братством воинов, что не ведало различий между братьями и сёстрами.

– Смерть ждёт каждого из нас, воины. В наших силах сделать эту встречу осознанной и достойной. Вы сражались во имя свершения справедливости, защищая тех, кто нуждался в этом, исполняя данные клятвы и соблюдая постулаты Пути. В том ваше предназначение, ваша сущность, ваш дух! Наши братья и сёстры будут наблюдать за нами, наши предки и потомки узнают, чем закончится эта война! И пусть пламя погребальных костров отблеском сохранится в ваших душах, подпитывая её полыхание праведным гневом! – мой голос звенел от напряжения, накатывая на людей частыми волнами, впечатываясь в их сознание. – Почтим же павших, братья и сёстры. И да возгорится пламя...

Тридцать четыре погребальных костра вспыхнули в единый миг – взревший огонь охватил сложенные на деревянных помостах тела, окутывая их саваном из рыжего пламени и спиралей чёрного дыма и разгоняя сгустившуюся ночную тьму.

Ночь особенно темна перед рассветом.

Пламя свечей задрожало в бесноватом танце, вытягиваясь вверх искрящимися языками, извиваясь на ветру и пульсируя, словно бьющиеся сердца. Дыхание ветра пахнуло могильным холодом, мрак сгустился, пытаясь поглотить источники тепла и света.

Люди шептали слова различных молитв или попросту обращались к душам павших, плакали или молча смотрели на огонь, мыслями пребывая вне своих тел. Тихий гул их голосов переплетался с гудением пылающих костров. Неуловимое и беспощадное истечение времени лишило ощущения минут и часов. Зачарованные церемонией люди погрузились в священный транс.

Тёплое рыжее пламя натужно ревело, устремляясь к небесам, испепеляя тела воинов и очистительным огнём исцеляя их души. Мерцание свечей протянулось к ним тонкими искристыми струйками, напивая собой костры и отдавая себя без остатка. И так до тех пор, пока всё не угасло.

И вновь навалилась ночная тьма. На несколько долгих мгновений она воцарилась на поле боя и руинах замка Мацумото. На несколько долгих мгновений перед тем, как на востоке забрезжили первые лучи солнца.

Даже самую долгую, тёмную и холодную ночь сменяет рассвет...

Глава 3

Нарушение принципов

Шершавый бархат сластящей на губах ванили и остро щекочущая обоняние горечь миндаля...

Едва ощутимый, невесомый флёр аромата духов бередил его воспоминания, возвращая его в самый чёрный период своей жизни – первые годы после смерти единственной и по-настоящему любимой жены. Сяолун Во Шин Во прикрыл глаза и замер соляным столпом, мыслями оказавшись вне реального мира. Померкло мерное стрекотание старинных механических часов из бронзы – единственное более-менее высокотехнологичное изделие в кабинете его дочери – Мэйли на дух не переносила любую современную технику и электронику, полностью исключая её из своей жизни на девичьей половине общих апартаментов семьи координатора Во Шин Во.

Именно этот её пунктик в своё время и стал решающим доводом в ультимативной просьбе избавить её покои от камер и датчиков слежения. А отец возжелал одарить любимую дочь, которая почти никогда его ни о чём не просила.

Время сожалений пришло спустя несколько лет, когда он пришёл за ответами, но наткнулся лишь на почти выветрившийся аромат ванили и миндаля.

Сяолун довольно неплохо знал свою дочь. И для него не было секретом, что духи матери Мэйли берегает лишь для самых важных и ответственных моментов своей жизни. Очень личный момент – словно просьба о помощи, обращённая к той, что покинула её в раннем детстве.

Камеры могли бы многое прояснить, а личный компьютер выдал бы тайны своей хозяйки, но... Дочь всё предусмотрела и не оставила никаких следов.

Мэйли Во Шин Во сожгла все свои записи перед уходом, оставив в камине лишь кучку тщательно перемешанного пепла. И пропала...

Ваниль и миндаль...

Аромат любви и... предательства.

– Координатор... – сдержанный тихий голос личного помощника и телохранителя его дочери вывел Сяолуна из оцепенения. – Один из наших контактов в СБ передал сведения о Мэйли, но сразу после передачи информации был схвачен. Я лично проследила за его ликвидацией.

– Меня мало интересует судьба стукача, Айлин! – раздражённо процедил координатор Тёмного клана. – Где моя дочь?!

– Её видели вместе с Красным Драконом после его побега. По отрывку записи с видеокамеры сложно понять хоть что-либо, кроме того...

Уловив неуверенность в докладе Айлин, координатор плавно развернулся на пятках. Взметнувшееся от резкого движения долгополое чёрное ханьфу словно подхватило выброс стихийного бахира, пуская по кабинету сильное дуновение злого ветра, опрокидывающего вазы с цветами и срывающего с окон плотные тяжёлые шторы.

– Говори, Айлин! Говори!!! – нетерпеливо выкрикнул Сяолун, не замечая того, как набирающая силу стихия начинает крушить обстановку кабинета.

Телохранительница спешно склонила голову, не решаясь заглянуть в пылающие гневом глаза господина.

– Она ему помогает. И непохоже, чтобы он её к чему-то принуждал.

– Ты уверена?

– Информации очень мало. Сопоставив увиденное с происходящим в городе, я не нахожу других объяснений, координатор. Характер раны господина Вэя также не представляет сомнений. Это её Веер Ветра.

Сяолун едва заметно покачнулся – воткнувшийся в спину кинжал предательства, словно по уже сложившейся традиции, держала рука самого близкого и любимого человека в его жизни. Смуглое лицо координатора побледнело, приобретая неживой песочный оттенок.

– Мы перепроверяем все её контакты за последние три дня, – Айлин продолжала тихо говорить, нервно сжимая и разжимая кулаки. – Это вскрыло небольшую сеть личных осведомителей и подручных Мэйли. На данный момент завершается дознание, но, боюсь, мы не сможем извлечь из них полезных сведений.

– Это преданные лично ей люди?

– Душой и телом, мой господин. Практически у всех стоит ментальная блокада, наши специалисты подобрали необходимые препараты лишь после третьей смерти подряд. Они заговорят.

– В моём доме... – криво усмехнулся Сяолун и устало провёл ладонями по лицу. – За моей спиной, дочка...

Боль, густо замешанная на разочаровании, уколола его сердце – очерстневшее и каменное для всех, кроме родной дочери и пары самых близких друзей, – уколола, ветвящейся молнией растекаясь по всему телу и погружая его сознание в бездонную тьму непонимания и отрицания.

Сяолун не хотел верить. Как и не мог противостоять неоспоримым фактам.

– Найти. Привести ко мне. Всё держать в тайне, никто лишний не должен знать о предательстве принцессы клана. Отвечаешь головой, Айлин. Второй ошибки я тебе уже не спущу, – механически отчеканил координатор клана Во Шин Во, натягивая на лицо маску равнодушия, и спросил: – Ты ведь не убьёшь её, если я прикажу?

Телохранительница вздрогнула, поднимая глаза на кутающегося в складки тьмы господина, и, на секунду задумавшись, неожиданно согласно кивнула, смело встречая его пробирающийся до костей взгляд.

– Приведи её домой. Во что бы то ни стало, Айлин. Домой. Целой и невредимой...

* * *

Приветствие восходящему солнцу – дань необъяснимой традиции, уходящей корнями в далёкую первобытность, к первым верованиям рода человеческого. Здоровый организм неосознанно тянется к светилу. Это стремление как будто заложено в нашу сущность, оно запрограммировано в генетическом коде. И дело вовсе не в потребности в витамине D. А в желании искренне приветствовать восход самого древнейшего из всех языческих богов этого мира...

Утренняя прохлада приятно охлаждала моё разогретое гимнастическим комплексом тело – от обнажённого торса с переливающейся в рассветных лучах татуировкой шёл едва различимый глазом пар, морозное дыхание ветра бодрило и словно делилось со мной энергией, восполняя истраченный за последние двое суток запас.

Двое суток без сна. Нервных, пропитанных тягостными мыслями и насыщенными активными действиями, выматывающих, преисполненных лишь решимостью во что бы то ни стало идти до конца.

Каждое движение таолы сопровождалось течением энергии по организму. Бахир наплевывал мышцы и кости, частично вымывая из них усталость и напряжение, возвращая силы и раскрашивая мир яркой палитрой красок.

Энергия с негативным потенциалом, скопившаяся в теле, медленно стекала в одну точку до тех пор, пока не образовала видимый лишь мне отвратительный комок серого тумана, уютно устроившийся на правой ладони.

Завершая таолу, я размахнулся и, упав на одно колено, что есть сил впечатал раскрытую ладонь в подмёрзшую и схваченную тонким слоем наледи землю. Звучно хрустнув пробитой коркой, рука по запястье ушла в землю, отдавая ей всего меня, без остатка. Всю невысказанную боль от потери семьи и дома, все муки совести за гибель сотен преданных моему роду людей, все сдерживаемые слёзы и рвущие меня на части противоречия...

Утрамбованная сотнями ног земля едва ощутимо вздрогнула и как будто тяжело вздохнула. На мгновение в воздухе повисло явственно ощущаемое кожей напряжение. Но спустя пару секунд оно развеялось, а сквозь мёрзлый грунт тысячами стали пробиваться заострённые зелёные кончики травинки. Они густым слоем покрыли площадь на десятки метров вокруг меня, увеличиваясь всё быстрее и быстрее, продолжая тянуться вверх, невзирая на неподходящее время года. Тысячи и тысячи, они устремились навстречу восходящему солнцу, трепеща под порывами ветра и подставляясь под ласковые жёлто-розовые лучи светила.

– Примите мою благодарность, светлые боги. Благодарность за ещё один день моей жизни, – мой шёпот сливался с шелестом травы, но я знал, что буду услышан, – за ещё один восход. И пусть сегодня я встречу со Смертью. Всё было не зря...

Поле битвы не самое лучшее место для вознесения молитвы. Осквернённое кровью, эманациями боли и смерти, оно должно быть очищено, прежде чем люди начнут обращаться к богам.

Но с недавних пор я стал пренебрегать некоторыми традициями.

Колышущийся густой ковёр из зелёной травы неумолимо и неконтролируемо разрастался – действуя исключительно по наитию, я взывал к богам и просил их лишь об одном: исцелить наши души. И первой из всех откликнулась Мать-Земля.

Алые сполохи пламени робко проклюнулись в расширяющемся море из трав: закрученные красные лепестки огненных лилий подобно фениксам восставали из пепла и праха там, где на землю проливалась человеческая кровь, восставали, распускаясь во всём своём неэстетичном великолепии цветка мира мёртвых.

Мир окончательно сошёл с ума – посреди зимы, на руинах замка Мацумото, расцвели тысячи бутонов хиганбаны...

– Боги слышат твоё сердце, Леон, и отвечают на молитвы, – спокойно произнёс неслышно появившийся Маэда Ючи, усаживаясь на траву рядом со мной и скрепя под собой ноги. – Но что ты собираешься делать дальше?

Почтительно склонив голову в знак приветствия, я сел на пятки, лицом к человеку, вернувшемуся из небытия. Коснувшись пальцами распускающихся бутонов хиганбаны, наслаждался их мягкой шелковистостью и задумался над услышанным вопросом, который противоречил всем моим ожиданиям.

– Самурай продолжит служение господину и его семье. Разве может быть иначе? – спустя минуту молчания я смог выразить своё недоумение и только после этого поднял глаза на главу рода Маэда.

В его взгляде плескалась невыразимая тоска и сожаление, густо замешанные с чувством вины, точившим этого человека изнутри. Маэда Ючи страдал от угрызений совести, как и положено порядочному человеку в его ситуации.

В прошлом году, в день Почитания Старших, он и его семья уцелели благодаря самопожертвованию воинов и вассалов. Раненого Ючи в полубессознательном состоянии в убежище доставил мой отец, после чего надёжно запечатал сюзерена и его родных в самом безопасном месте замка, способном выдержать даже прямое попадание тактического ядерного заряда. А затем, выполнив свой долг, мой отец отправился на смерть...

– Я не просто так задал именно этот вопрос, Леон, – мягко произнёс Ючи и широким жестом руки указал мне на расцветающее поле битвы, заставленное палатками и оживающее под зычные возгласы командиров: – Эти люди шли за тобой и сражались под знамёнами Хаттори. Это они шёпотом рассказывают медикам из Нагано и наёмникам-иностранцам о молодом Драконе, потомке богов и герое, чья слава уже достойна занесения в предания империи. Им верят. Это уже полностью ТВОИ люди, Леон. Я не смогу их вести. У меня нет на это прав.

– Быть вашим военачальником – большая честь для меня, Маэда-сама, – церемонно поклонившись, сказал я, по-прежнему не понимая, к чему клонит сюзерен. – Мы продолжим войну под двумя знамёнами, и воздаяние падёт на головы наших...

– Этого не будет!

Восклицание Ючи вынудило меня сбиться на полуслове и недоуменно воззриться на собеседника. Глава рода Маэда протестующе мотнул головой и, словно устыдившись своей вспышки, увёл глаза в сторону. Только тогда я обратил внимание, насколько он одновременно похож и не похож на того аристократа, каким его помнил мой брат.

– Свободный Род Маэда проиграл эту войну. Эта ночь на многое раскрыла мне глаза. Наше наследство смертельно опасно. Сегодня за ним пришли Такэда, завтра, почуяв запах крови, вернутся ушедшие прочь союзники, дабы урвать свой кусок, но соблюсти хоть какие-то приличия. Или придёт кто-то другой? Мы слабы, как никогда. Сколько ещё прольётся крови из-за того, что мы не способны противостоять врагам? Сколько ещё людей погибнет, сражаясь против чужой корысти и алчности?

– Мы сражаемся во имя долга и чести. Мы сражаемся, потому что каждый из нас – воин, а значит, и защитник! – забывшись, отчеканил я, протестующе вскидывая голову. – Война должна завершиться, вы правы, но... Прежде мы свершим наше возмездие!

– Такой же, как и отец, – грустно покачал головой Маэда Ючи. – Упрям, воинственен, горд и чрезмерно предан. Всё как велит Кодекс самурая, верно?

– Таков Путь, – мрачно отвечал я, замыкаясь в себе и холодея от нехорошего предчувствия. – Маэда-сама, как ваш верный вассал, я не могу ослушаться вашего приказа. Моя жизнь и мой меч принадлежат вам. Но тогда всё произошедшее, все наши жертвы и потери, всё теряет смысл! Мы не можем склониться перед врагами сейчас! Это против чести!

– Мы склонимся перед волей Императора, Леон. Владыка империи вряд ли одобряет эту войну. Но перед тем, как мы отправимся к нему, я должен завершить одно важное дело! – величественно выпрямившись, Ючи говорил, плавной жестикуляцией как будто пытаюсь загипнотизировать меня. – Отныне и навсегда! Род Маэда более не связан с родом Хаттори вассальной клятвой. Таков был мой дар твоему отцу и всей вашей семье. Сейчас же я дополню его ещё одним... Окрестности Мацумото, сам замок и кварталы в Нагано – отныне и навсегда они принадлежат тебе по праву. Владей ими, Леон-сан, глава свободного рода Хаттори!

Слушая его речь, я помрачнел ещё больше, удивляясь тому, как ситуация выворачивается наизнанку. То, что ещё вчера и так принадлежало мне, сегодня было вручено как залог моего молчаливого согласия в позорной капитуляции. Визит в императорский дворец как признание собственной слабости, как просьба о защите и покровительстве...

Кровь в моих жилах и венах вскипела, забурилась, недовольно заворчала эхом голосов моих пращуров, что не знали позора поражения – они либо побеждали, либо гибли, смывая всё своей кровью. И всегда шли до конца.

– Мы верно служили роду Маэда полторы сотни лет. До сегодняшнего дня, – начал говорить я и сделал долгую паузу, собираясь с мыслями. – Мне остаётся лишь с благодарностью принять ваш дар, Маэда-сама. Самый главный ваш дар – свободу действий. И поэтому я не буду присутствовать рядом с вами на приёме у Императора. Наши пути разошлись, Маэда-сама. Род Хаттори продолжит вести войну. Во имя справедливости, во имя воздаяния, во имя...

– Во имя крови?

– Да, во имя пролитой врагами крови! Потому что мы не прощаем тех, кто пытался нас уничтожить! – глухо прорычал я, вставая с земли и порываясь уйти.

– Одумайся, пока ещё не стало слишком поздно! Ты говоришь как мальчишка, ослеплённый жаждой мести! – Ючи попытался остановить меня, придержав рукой за запястье.

– Потому что мне есть за что мстить! Мне и моим людям! Нам не нужно напоминать о тех, кто погиб, выполняя свой долг и защищая вас!!! – мой повышенный тон и звенящая в голосе сталь вынудили бывшего сюзерена вздрогнуть, как от удара. – Вы не хоронили своих родных, Ючи-сан! А память о тех, кто пал, сражаясь за вас, видимо, недостойный повод для мести?!

– Довольно!!! – раненым зверем выкрикнул Маэда, моментально оказавшись на ногах напротив меня. – Я не желаю слушать этот вздор! Повинуйся решению старшего, раз тебе недостаёт ума прислушаться к доводам разума!

– Для принятия решения мне достаточно доводов моего сердца... – тихо сказал я, выпрямившись и спокойно встретив его взгляд. – Разговор окончен, Маэдасан. Меня ждут неотложные дела...

* * *

Утро вечера мудренее.

В истинности изречения, позаимствованного из разговорного фольклора второй родины, я убедился по окончании экстренного утреннего совещания, проведённого командором Тарао. Кратко изложив мне общее положение дел, он жестом предложил взглянуть на огромную рельефную карту, спроецированную небольшим голографическим устройством – расположившись на широкой, составленной из нескольких столов импровизированной площадке, она занимала площадь не менее десяти квадратных метров, позволяя в подробности передавать рельеф местности порядка нескольких тысяч квадратных километров.

С целой россыпью цветных флажков, обозначающих передвигающиеся группировки войск и земельные территории под управлением аристократических родов и Императора.

Ненадолго взглянув на неё, я ощутил себя персонажем компьютерной игры стратегического жанра. Множество секторов всех цветов радуги, украшенных гербовыми значками, десятки военных группировок вокруг провинции Нагано – Такэда, Токугава, Тайра.

Враг, бывший союзник и воля Императора.

Усеянные зубами отрядов границы соседних провинций бурлили деятельностью – отступившие с поля битвы силы клана Такэда восстанавливали единую формацию и занимали оборонительные позиции; Токугава, собравшись в одну гигантскую колонну, скорым маршем прорывались вперёд, не делая разницы между городами и чащей; Тайра нагнетали одним присутствием полутысячного ударного гвардейского корпуса при двух десятках тяжёлых мобильных доспехов.

А между ними, на руинах древней крепости, располагались несколько мрачных флажков, отмеченных золотым оперением стрел. Последние силы рода Хаттори, только что захватившие у врага крупную и богатую провинцию. И его столицу.

Даже голографичный образ Нагано поражал моё представление о городе – миллионы его жителей вместе со мной встречали рассвет, оставаясь для меня неизвестной величиной. Пока я не увидел многогранный каскад современных небоскрёбов в окружении каменных джунглей, густо разбавленных зимней цветущей сакурой.

– Командор Браво просит вашей аудиенции, Хаттори-сама, – привлёк моё внимание заглянувший в штабную палатку офицер связи. – Прикажете пропустить?

– Пригласите командора, – немедленно отреагировал я, радостно ухватываясь на первое из множества решений, что мне предстояло изменить и только потом принять. – Контролируйте эвакуацию раненых в госпитали Нагано. При любых сложностях обращаться напрямую ко мне.

Возведённый в ранг личного помощника офицер низко поклонился и попятился, исчезая из поля зрения. Воплощать стратегию управления мне приходилось впервые, но память брата упорно твердила – руководитель обязан в первую очередь подбирать кадры, которые, в свою очередь, решают всё.

Легкомысленный наряд командира сводного отряда наёмников сменился полурасстёгнутой рубашкой и распахнутым на груди жилетом с меховой опушкой, тактическими брюками и высокими военными ботинками. Тряхнув копной смолянисто-чёрных волос, собранных в тугой «хвост», Катаlea решительно опустила на одно колено и низко склонила голову, оплётённую изящной паутиной гарнитуры связи.

– Почему вы хотите продолжить войну?

– Наши отряды имеют репутацию тех, кто всегда исполняет свой контракт, Хаттори-сан. Мы исполнили букву, но хотим исполнить и дух. – Бразильянка начала отвечать на мой вопрос медленно, тщательно подбирая слова на неродном для неё японском: – Мы хотим показать, что достойны Служения.

Сбоку, потревоженный таким проявлением наглости, недовольно ворохнулся командор Тарао. Ворохнулся и притих, уловив мой успокаивающий жест.

– Вы хотите стать гвардией, – подытожил я, погружаясь в мысли в поисках соображений на этот счёт и обращаясь к своим знаниям за ответом.

– Да, Хаттори-сан. Получить гвардейский статус и начать жизнь заново. И мы понимаем, что за всё нужно платить, в том числе и собственной кровью. Люди готовы пойти на этот риск, дабы позаботиться о своих семьях и грядущих поколениях. Поэтому, от лица всех трёх отрядов, я, Катаlea Bravo, прошу вас принять нас под свою руку, дать нам цель и смысл жизни...

– Скажите, Катаlea, вы же не рассчитывали, что я вот так сразу приму вас с распростёртыми объятиями? Пока что вы полностью устраиваете меня в качестве сводного отряда наёмников, способного повернуть не один десяток отдельно оплачиваемых боевых операций. Встаньте, мастер Катаlea, немедленно встаньте и... – заговорил я, делая ей шаг навстречу и начиная обходить по широкому кругу. Ощутимо приблизившись к ней, я остановился на расстоянии вытянутой руки и указал только поднявшейся на ноги наёмнице на ближайший к ней участок карты. Совпадение, не иначе. – Этот участок занимают осколки сил Такэда. Вашей задачей будет дестабилизация их лагеря. Вы займётесь этим лично, командор. Стив понадобится мне для осуществления второго слоя операции. Можете рассчитывать только на свои силы, остальные отправляются на мою родовую военную базу. Выбьете их с позиций – вернётесь и останетесь в Мацумото в качестве постоянного гарнизона родовой цитадели Хаттори. Этим, чтоб вы знали, занимаются исключительно гвардейцы рода. Подробности вам сообщит командор Тарао. И учтите: я не прощаю краха возложенных надежд. А я очень на вас надеюсь, мастер Катаlea. В первую очередь на ваш профессионализм. И последнее: сражаться должны все. Понимаете меня? Абсолютно все. Имя рода и будущую честь вы оплатите кровью – своей и врагов. Таково моё слово!

В тот момент один лишь я знал, что моими устами говорил мой далёкий предок, мой дед, ненавязчиво легко отеснивший меня от управления телом. Говорил привычно, говорил так, как его научила долгая и непростая жизнь – максимально доступно, ультимативно и очень убедительно. Лицо Катаlei окрасил суеверный, как у всех католиков, румянец, оттенённый священным трепетом верующей души. Бразильянка почтительно поклонилась, принимая мои условия без возражений и с той лёгкостью, какая бывает только у тех, кто уже умер. Настоящий воин.

– Сражайся так, словно ты уже мёртв...

– ...и ты познаешь, что смерти нет, – как и должно рыцарю мальтийского ордена, Катаlea продолжила девиз Алых Крестоносцев – официальной силовой организации Ватикана. – Я обязательно расскажу вам эту историю из прошлого, мой господин. В следующий раз, когда вы решите навестить цитадель.

Вернув ей уверенную улыбку, я одёрнул на себе камуфлированный френч и нацепил на голову массивные наушники гарнитуры связи.

– Командор Тарао!

Командир гвардии встревоженно выплыл из задумчивого транса, повёл головой и поморщился. Короткий взгляд, брошенный на наручный прибор связи, полыхающий десятком мерцающих огоньков индикаторов.

– Командор Тарао, это – свои. А то не дай бог, кто-нибудь саданёт по союзникам Огненным Копьём. Те ведь не станут молчать... – насмешливо продолжил я, вспоминая о том, что Клинки получили отдельный приказ обеспечить безопасное прибытие делегации от Российской империи.

– Прошу прощения, мой господин, – с задержкой кивнул он, просматривая текстовые отчёты подчинённых. – Состав вашего сопровождения укомплектован окончательно или в нём отыщется место для десятка тяжёлых пехотинцев?

– Благодарю за заботу. Сосредоточьте все силы на обеспечении ухода за ранеными и максимально скорейшего возвращения бойцов в строй. Все клинки Нагано уже извещены, от вас требуется распределение бойцов по приоритету. Распоряжения для остальных наёмников я передам отдельно. – Отказавшись от подобной охраны, я выигрывал в мобильности настолько, что поспеть за мной могли бы разве что Клинки, но всё следовало правильно обставить. Чёртовы традиции шестнадцатого века. Наследство от предка иногда начинало лезть из всех щелей, что воплощалось в подобного рода театральных постановках.

Дедушка искренне был уверен, что весь мир подобен огромному театру, и следует лишь научиться самому давать представления.

Так, с командором договорился, наёмники снова при деле...

– Ах да... Мастер Катаlea! Вам понадобится моё личное знамя! Заодно попытаете отвлечь внимание. Справитесь?

– Почту за честь, господин... – обворожительно улыбнулась бразильянка.

– Эдогава! – активировав гарнитуру, я переключился на личный канал телохранителей. – Срочно ко мне. Для тебя есть увлекательное задание...

* * *

Перед поступком всегда идёт решение. Принимая его, мы совершаем выбор, соглашаясь с любыми последствиями, коли они приключатся. Зачастую соглашаясь уже постфактум.

Алекс Розенкрейц никак не мог до конца привыкнуть к нравственным заморочкам чужого мира. Дитя мира иного, он был гораздо более привычен к лжи, не был отягощён подавляющим большинством моральных принципов и порой чувствовал себя инопланетянином среди повёрнутой на чести аристократии. В его мире подобное поведение считалось глупостью. Властвовал рационализм.

Уставший, суммарно разменявший четыре десятка лет, Алекс вдрызг напился сразу после окончания спасательной операции, пытаясь понять, какого хрена его друг так сильно на него обиделся. Иначе как обижулками его поведение рыжий объяснить не мог. Хотя честно старался.

– ...ты меня понимаешь? – грустно спросил он у самурая, расположившегося на кожаном диване.

Оный диван уютно примостился в углу малой гостевой гостиной особняка российского посольства в Токио. Сёстры Мяги уже благополучно досматривали первые серии своих снов, с удобством расположившись в распечатанных для них спальнях. А спасители коротали время, изучая внутренности бара и молча дегустируя различные напитки. Даже не чокались, но пили вместе.

– Вот я ему ведь от чистого сердца... С них бы ни волоска бы не упало, зуб даю! Да что там зуб, голову свою поставил бы, не задумываясь. Что вы за народ-то такой? Как он сказал? «...не желает принимать дальнейшего участия в жизни этого человека»? За что, blyat, объясни мне, пожалуйста?! – Алекс пространно жаловался, причём делал это тоном разочарованного в жизни и вусмерть пьяного интеллигента, не позабыв вовремя потрясти руками и возопить, обратив лицо к потолку. Широкая русская душа требовала энтропии окружающего мира, настойчиво нащёптывая и предлагая куда-нибудь пойти и что-нибудь разнести на мелкие части. Желательно сразу в мелкую пыль.

Потому что раненого противника пришлось бы долго и изобретательно пинать. А может, и что похуже...

– Молодой господин Хаттори поступил неожиданно мудро, – внезапно проговорил старый самурай и наставник Кеншина, воздавая должное крепкому и ароматному коньячному букету. – Настоящий друг в такой ситуации точно знает, что ему должно продолжать делать. Если только он уверен, что не причинит тем самым никакого вреда.

– Ты серьёзно? – неверяще хихикнул Алекс и встал, с трудом опираясь на барную стойку. – А где логика?

– Завтра я вас покину. Девушки останутся на полном вашем попечении. Возвратите их к родителю, обеспокоенному пропажей дочерей. Их отец места себе не находит, хотя я с ним уже успел поговорить и обо всём предупредил.

– Всё равно не понимаю... – тряхнув рыжими кудрями, парень покачнулся и решительно потянулся за смартфоном, мирно лежащим на барной стойке. – Надо позвонить отцу. Может, он мне объяснит, в чём тут сложности...

– Это лишнее, господин Соколов. Всё гораздо проще, чем вам кажется. Вы – иностранец, возьмёте спасённых девушек под покровительство и согласно древнему праву сможете вне очереди оформить отъезд девушек к себе на родину. Такой обычай имеется у большинства азиатских государств, Империя восходящего солнца не является исключением. – Самурай пустился в пространные объяснения, и Лёха, пусть и с трудом, но улавливал суть. – Эти девушки – его единственное уязвимое место. Вы увезёте их на правах жениха, а значит, они будут неприкосновенны. Клань не трогает людей российского императора без весомой на то причины. Пока вы были его другом, эта причина могла бы считаться довольно веской. Друг моего врага, ну, вы сами понимаете... Так вот, завтра, разговаривая с имперскими чиновниками и оформляя бумаги, вы отдельно упомянёте о разрыве всяческих отношений с родом Хаттори и личной ненависти к его главе. Именно так это должно было сработать, но вы почему-то жаловались на судьбу в перерывах между подходами к бутылке, а не рвали и метали от злости, как это сделал бы любой мой соотечественник вашего возраста. Молодой господин поступил неожиданно мудро и не учёл лишь одного: ваших индивидуальных особенностей характера. Проще говоря, он не подумал, что вы способны заливаться алкоголем и ныть, полагая вас человеком действия...

В довольно прямой манере, буквально впечатав Алекса лицом в асфальт, Мацуяма плавно поднялся с дивана, отряхнул с плеча кимоно невидимую пылинку и молча откланялся, оставляя парня в одиночестве.

– Если это всё правда, то я вообще ни хрена не понимаю в этой жизни... – потерянно прошептал маг из другого мира, хлопнул ещё одну рюмку водки и едва заметно поморщился. – Хоть в монастырь уходи, слово чести!

Глава 4

Особенности национальных традиций

Сострадание – это неотъемлемая составляющая женской натуры. Именно женщины научили ему мужчин, одним толчком перенаправив развитие человечества в сторону таких понятий, как консенсус и само умение идти на уступки. А там и до зарождения цивилизации оказалось буквально рукой подать.

Женщины куда лучше нас, мужчин, умеют прощать.

Но и ненавидят куда как более умело. Порой сила такого чувства способна убивать.

В момент лечения при помощи «техник» целитель наиболее уязвим, особенно со стороны своего пациента.

Концентрированная энергия ненависти сформировала из «яки» незримую молнию и в одно мгновение пронеслась по энергетическому каналу, протянувшемуся между Натальей и Мэйли. Очнувшаяся от сильной боли китаянка окончательно потеряла над собой контроль, увидев наклонившееся над ней прекрасное сосредоточенное лицо ненавистной соперницы. Принцессу клана терзала дикая боль, обида, непонимание... и она неосознанно нанесла удар.

Удар, с лёгкостью погашенный умиротворённым взглядом целительницы, забравшей разрушительную ненависть себе целиком, без остатка, и поглотившей негативную энергию без малейших для себя последствий.

– Тихе, девочка, тихе... – успокаивающе прошептала Наташа, указательным и средним пальцами касаясь энергетической точки на лбу дёрнувшейся Мэйли и погружая её в целебное забытье. – Вот теперь я за неё спокойна. О чём ты хотела поговорить, Алекса?

Сидевшая на одной из деревянных лежанок Алекса встрепенулась и отвлеклась от изучения кирпичной кладки стен узилища. Повернувшись к случайной пленнице Красного Дракона и скривившись от боли в рёбрах, она скептическим тоном заметила:

– Скорее всего, это именно она надоумила китайца похитить тебя. Помогать своему врагу...

– Причина моего здесь нахождения вовсе не в ней. А то, что это, возможно, повторюсь, только возможно, происходило с её участием, полностью обесценивает тот факт, что все мы так или иначе, но становимся слепыми орудиями судьбы, – бесстрастно парировала целительница. – Мне не в чем её винить. Мои претензии скорее к Леону. Он не умеет держать своих женщин в узде.

– Эта ревнивая дура – не его женщина!

– Говоришь так, словно никогда не совершала безумных поступков из-за влюблённости... – так же спокойно отвечала Наташа, завершая очередное плетение «техники» и накладывая её на лицо китаянки. – Визита к пластическому хирургу девочке не избежать. Этот урок она запомнит надолго.

– Что за вселенское всепрощение? – возмутилась Алекса, скреживая ноги и опираясь спиной на влажную кирпичную стену. Девушку знобило, и она куталась в изгвазданные кровью и грязью лохмотья своего мундира. Схватка с Красным Драконом клана Луэн обошлась для неё слишком дорогой ценой.

– Считайте это уроком на будущее, капитан. Милосердие – одна из добродетелей примерной жены аристократа.

Официальный тон отповеди из уст потенциальной соперницы болезненно обжёг самолюбие баронессы – девушка упрямо вскинула подбородок и сверкнула глазами.

– Вы, Наталья Александровна, сейчас, случайно, не на место первой жены претендуете? Уж больно похоже на официальную заявку, печати только не хватает! – злобно прошипела она. – Не забудьте прежде подать на развод, госпожа Астахова!

Наталья Александровна вздрогнула как от удара, но предпочла смолчать. Довольная произведённым эффектом, Алекса хотела продолжить свой эмоциональный спич, но вдруг умолкла, споткнувшись на полуслове, и забалансировала на грани беспамятства. А после девушка просто отключилась, рухнув обратно на свою лежанку.

«Курицы драные! – мысленно ругнулась учительница русского языка, литературы, этикета и изящной словесности. – Озабоченные вертихвостки, что он в них только нашёл?!»

Её университетский преподаватель непременно оценил бы краткость и ёмкость изложения внутреннего состояния всего в двух предложениях. Но думала она совершенно о другом.

Слова Алексы неожиданно попали в цель, обнажая мятущееся сердце молодой учительницы. Тонкая грань между флиртом и адюльтером для неё размылась настолько, что она всерьёз ждала возвращения Леона. Ждала, чтобы раз и навсегда внести ясность в их запутанные отношения.

Но судьба заблаговременно покарала замыслившую согрешить...

Наташа мрачно вздохнула и поспешила к лежащей в беспамятстве Алексе. На ходу сформировав энергетическую сферу из своей жизненной силы, целительница с размаху впечатала раскрытую ладонь в середину груди баронессы, в очередной раз собравшейся преждевременно покинуть этот мир.

– Разряд! – с усталым облегчением выдохнула вымотанная до предела девушка, формируя сканирующую технику. – Как же я с вами устала, девочки... И это ведь только начало... Как там в сказке? И жили они долго и счастливо? Дожить бы до этого сладкого момента.

Тонкие пальцы порхали в воздухе, переплетая энергетические каналы девушек и соединяя их в одну замкнутую систему – целительница создавала изящное и сложное подобие капельницы, рассчитывая, что её организм вытянет Алексу из-за грани.

Ведь она была единственной из пленниц, что смогла справиться с натурой их кровожадного тюремщика и никак не пострадала.

Дэй-младший Луэн не осмелился поднять руку на ту, кого учащиеся ВКШ прозвали Астартой. Наташа с трудом завершила технику и на доли секунды прикрыла глаза, вновь переживая то столкновение характеров...

– А кто это тут у нас такая красивая? У парня хороший вкус! Готов поспорить, что больше всего ему нравится твоя грудь... Может, и мне стоит её изучить поподробнее?!

Наталья Александровна невозмутимо развернулась к ввалившемуся в её камеру китайцу, изящно изогнув бровь, и обожгла его взглядом искрящихся изумрудной зеленью глаз.

– Вы ведёте себя недостойно. Не думала, что клан Луэн уподобится сборищу отбросов с городского дна.

Потусторонний мороз вцепился во внутренности китайца, пробирая до костей и выхаживая из организма всё тепло. Хлёсткие реплики златовласой учительницы действовали на него как пощёчины. Кураж наёмника захлебнулся в возгласах возопившей и ущемлённой гордости.

– Или поколения благородных предков уже ничего для вас не значат?

Подобный вопрос был прямым оскорблением для любого аристо. Молодая дворянка была точно в цель. Умело, неторопливо и взвешенно роняя раскалённые праведным гневом слова.

– Или вы не наследный принц клана Луэн? А обычный бандит, коими кишат ваши города-муравейники?!

То, что себе мог позволить молодой честолюбивый наёмник, никак не шло к лицу принца Тёмного клана.

Скрежетнув зубами, Дэй-младший Луэн, Красный Дракон и учитель стихии Молнии, внутренне признал это поражение. Признал и склонился перед стоящей девушкой в глубоком поклоне.

– Другая камера. Минута на исполнение, – отчеканил он, выпрямившись и отступая в сторону от дверного проёма. – Девушкам понадобится ваша помощь как целителя. Поспешите, пока я не передумал...

* * *

В Японии множество замков. Стоит ли говорить, что большинство из них имеют пульсирующие Силой «сердца»? Аристократия Ниххона когда-то обладала куда большими знаниями, на голову превосходя потомков в мистических практиках, и умела самостоятельно создавать узловые источники бахира, дабы обеспечить последующим поколениям и внукам часть родового могущества на своей земле.

Но творения природы имели слишком большую фору во времени, превосходя искусственно созданные аналоги. Тысячелетиями владеющие ими люди использовали их для проведения ритуалов и церемоний, воздавая за черпаемую Силу верой и неукоснительным исполнением определённых догматов. Природные образования подвергались вдумчивой культивации при помощи веры и молитв и порой достигали таких успехов, что под влиянием разросшегося места Силы оказывалась целая провинция. Одним из таких мест был императорский дворец в центре Токио.

Изящные очертания Токийского императорского дворца врезались в пылающий кровавым отсвет багрового шара заходящего солнца – врезались уверенно и размахисто, чернильной тушью стен и крыш обозначая границу своего влияния и отсекая из поля зрения путников у подножия замка добрую треть светила. А во внутреннем дворе Эдо буйно разрослись настоящие теневые джунгли, погружая его в приятную сумрачную прохладу. Тут и там вспыхивали факелы, немедленно вступая в борьбу с подступающей темнотой, в многочисленных окнах мягко загорались уютные светочи огоньков декоративных ламп – жители и гости Эдо частенько засиживались допоздна...

Они встретили нас у внешней крепостной стены, подле широких, окованных сталью врат. Встретили уверенно и спокойно, как и положено стражам главной цитадели Империи восходящего солнца.

Тройка императорских гвардейцев скорым шагом вышла из караульного помещения возле калитки в гигантских крепостных воротах. Тускло блеснул металл экзоскелетов, укрытых высокотехнологичным доспехом, чей внешний вид полностью копировал самурайскую броню начала XIX века, зловеще блеснули красным огоньки визоров поверх оскалившихся демонических масок.

– Всё равно мой доспех круче, – полушёпотом, не обращая ни к кому, выдохнул я, но всё же внутри слегка ворохнулось чувство зависти, – а после модернизации ему вообще не будет равных...

Однако стоило Клинкам поравняться со мной и словно невзначай, расслабленно застыть напротив коллег по цеху, как зависть растаяла без следа.

Похожие как братья, они столь же явно отличались друг от друга. Демонические очертания «Тэнгу», украшенных витиеватым узором поверх накладных броне-пластин, явно выигрывали на фоне расфуфыренных плюмажей и позолоченных доспехов гвардии Императора. «Стражи» выигрывали только в скорости и качестве оригинальной конструкции, во всём остальном доспехи были примерно равны.

– Господин Хаттори! – церемонно поклонившись, глухим и надтреснутым голосом про-
рокотал старший из Стражей. – Ваши люди останутся ждать вашего возвращения здесь.
Поскольку поступило отдельное распоряжение, мы лично сопроводим вас до зала Девяти Лото-
сов.

– Для меня честь быть под защитой Стражей Императора, – кивнул я, обозначив ответ-
ный поклон и серией условленных жестов отдал распоряжения Клинкам.

Бряцнув сталью доспехов, мои телохранители синхронно отступили на несколько шагов
назад. Только после этого Стражи ослабили хватку – каждый из них как будто не нарочно
касаясь длинных рукояток мечей, укрытых в лакированных деревянных ножнах. Укоризненно
покачивая головой, я открыто улыбнулся:

– Не стоило воспринимать нас как угрозу.

– Это закрытая территория, Хаттори-сан. Таковы правила. Возложенный на нас долг
предполагает куда более строгие меры предосторожности, – невозмутимо ответил старший из
Стражей, отступая в сторону и делая рукой приглашающий жест. – Прошу прощения, если
наше поведение каким-то образом затронуло ваше достоинство.

Ещё раз обозначив поклон, я через плечо бросил короткий взгляд на уходящих телохра-
нителей и уверенно пошёл вслед за Стражами.

Мощённая камнем широкая дорожка источала холод, пробивавшийся даже сквозь тол-
стые, подбитые гвоздями подошвы моих сапог. Проществовав сквозь надвратную башню, я
подумал о том, что, наверное, впервые в истории по этим дорожкам идёт не просто японский
аристократ, но и фактический офицер другого государства. Русский офицер.

Осознать себя в этом качестве после нескольких месяцев обучения в ВКШ было довольно
забавно. Бытие русского кадета – это не только обучение воинским наукам. Посещая лекции,
занимаясь на спортплощадках и полигонах, изучая бальные танцы и этикет, законы госуда-
рства и иностранные языки, молодые кадеты выковывали в себе нечто, что по примитивнейшей
анalogии можно было бы назвать внутренним стержнем. Нечто, основанное не на древности и
родовитости происхождения, но не менее благородное духом.

Предполагаю, что в решении облачиться в парадную школьную форму было нечто маль-
чишеское. Вышитые серебром вензелем буквы «К» на узких чёрных погонах, вызывающе белое
сукно мундира и брюк, золото хулигански повязанного аксельбанта на правом плече – всё это
было своеобразным вызовом, красной тряпкой, привлекающей внимание и содержащей в себе
посыл. Мол, идите вы все на...

Пренебрежение традициями не могло пройти для меня безнаказанно – заранее назначен-
ный приём у владыки Островной империи предполагал, что юный аристократ проявит доста-
точное уважение и будет соблюдать все предписания. В том числе и в одежде. Но я знал, что
всё это лишь постановка, основной целью которой является лишь завуалированное предложе-
ние из разряда тех, что не подразумевают отказа. И не собирался играть по навязанным мне
правилам.

Забавно. Оказалось, что насмешки судьбы не различают общественного положения –
Императору предстоял неприятный сюрприз, ведь последний из рода Хаттори более не владел
тем, из-за чего, собственно, и начался весь сыр-бор.

Погружённый в свои мысли, я размеренно шагал по парку из покрытых инеем деревьев
с изящными снежными шапками на ветвях до тех пор, пока мои сопровождающие не вывели
меня к подножию широкой лестницы. Шероховатые каменные ступени, начисто выметенные
и оттого вполне безопасные, вели наверх, в одно из зданий дворцового комплекса. Усечённую
пирамиду строения разрезали декоративные скаты крыш, прикрывающие окна и галереи как от
солнечного света, так и от проливного дождя. Во всём, что окружало меня, ощущался оттенок
величия и силы. Оно словно ложилось на плечи, стесняя движения и не давая дышать полной
грудью.

– Я помню те времена, когда Эдо был молод и не столь могуч. Иэясу-сан потратил годы на то, чтобы привязать источник Силы к крови рода, – шепнул дедушка, незримо касаясь моих волос и взьерошивая их до состояния вороньего гнезда. – Соскучился, внучек?

– Деда... – мысленно выдохнув, ответил я, улыбаясь дуновению холодного зимнего ветра. – Ты в порядке?

– Приятно, что ты заботаешься о старике, – притворно растроганно всхлипнул дух Хаттори Хандзо. – Мне нужен был отдых после столь бурной разминки. Но теперь всё даже лучше, чем было до сих пор. Долго собираешься стоять? Мне не терпится посмотреть на вашего Императора. Чую, без разочарования не обойтись, никто на моей памяти не затмил Токугава Иэясу!

Мысленно усмехнувшись, я раскланялся с гвардейцами и занёс ногу над первой ступенью, но...

– Ты-ы-ы... – разъярённо прохрипел Такэда Харуки, появившийся откуда-то сбоку, прохрипел, неосознанно тыча в меня пальцем и делая порывистое движение. Багровое пламя его одежд взметнулось от излишне резкого движения и опало, наткнувшись на преграду – изогнутый клинок меча, предусмотрительно выставленный одним из Стражей.

– Господин Хаттори – гость его императорского величества и находится под его защитой! Остановитесь, Такэда-сама, прошу вас.

Возглас старшего из Стражей Императора привёл моего врага в чувство. Отступив назад, глава клана злобно оскалится, но сдержался, памятуя о том, насколько опасно пренебрегать правилами императорского дворца.

– Где мой сын и брат, Хаттори?! Где они?!

– Твой брат решил отправиться на ознакомительную экскурсию в горы. Людей там мало, зато воздух прекрасен... – насмешливо ответил я, открыто встречая его полный ненависти взгляд. – Хотите составить ему компанию? Но ведь тогда мы не поиграем в заложников. А вы так любите эту игру, Такэда-сан!

Но Харуки не услышал главного и потому снова взвыл:

– Где мой сын?! Где мой сын, Хаттори?!

– Там же, где и три тысячи твоих солдат. Поверь, все они получили достойные почести, – от насмешки в моём голосе не осталось и следа, только холодное спокойствие. – Он пал от моей руки, сражаясь как воин.

Не знаю, что двигало мной: раскаяние ли за бессмысленную и неправильную казнь или желание выказать врагу благородство. Не знаю и, наверное, не хочу знать ответа. Духовное совершенство приходит со временем, и не всегда мы готовы к честности. Особенно с самим собой. Сказанная мною ложь тем не менее подействовала разрушительно.

Такэда Харуки выглядел... жалко. Побледневшее и вытянувшееся лицо, потухшие тёмные и безжизненные глаза, дрожащие тонкие губы... Но даже в таком состоянии он оставался собой: потомственным аристократом и главой клана.

Метаморфозы, вызванные усилием воли, неуловимо быстро изменили его лицо, превращая в холодную маску. Пробитая эмоциями брешь затянулась, и на меня взглянул уже не человек, а нечто куда более страшное. По-настоящему страшное. Так выглядят идолы первобытных языческих богов – равнодушно и кровожадно одновременно. Сузив глаза и сжав кулаки, я нарочито медленно завёл руку за спину и обхватил ею рукоятку танто, покоившегося в ножнах, заткнутых за ремень портупей.

– Вот видишь, Ючи, а ведь я был прав, когда предложил тебе прогуляться перед сложным разговором. Так у нас появился шанс разнять этих драчунов до того, как в очередной раз бессмысленно пролилась ненужная кровь...

Он ещё говорил, когда Стражи слаженно опустились на одно колено, низко склонив головы в вычурных шлемах. Он ещё говорил, когда я и Такэда синхронно повернули головы

на звук его властного старческого голоса, против воли внушающего желание повиноваться и... служить.

– Ваше величество... – низко поклонился Харуки, успев отреагировать раньше меня. – Я прибыл по вашему зову.

А я замер соляным столпом, сердцем предчувствуя очередные неприятности. Потому что на лестнице стояло двое: Император и мой бывший сюзерен, Маэда Ючи...

И в голове отчаянно билась всего лишь одна мысль: как он опередил меня?

* * *

Судьба насмехается над всеми, но её шутки особенно жестоки к тем, кто возомнил, что способен предусмотреть любое развитие событий.

Стройный и логичный план, составленный перед визитом во дворец Императора, трещал по швам и рассыпался буквально на моих глазах. Мною было учтено множество факторов и несколько наиболее вероятных исходов. И, чёрт побери, план был хорош.

Был. Потому что в расчёты вкралась ошибка. Я ошибся в одном человеке, в его мотивациях и способностях, не смог предугадать его поступка, потому что он противоречил всему, что мне было известно о моём бывшем сюзерене. Точнее, как оказалось, не таком уж и бывшем...

– Вассалитет – это древняя, хоть и давно позабытая в нашей стране традиция. Сейчас все предпочитают нечто более гибкое. Союзы, альянсы... Однако я рад, что Империя восходящего солнца по-прежнему рождает верных долгу буси, – согласно кивнул Император, вольготно расположившийся в глубоком плетёном кресле. Одним из многих, что широким полукругом занимали центр зала Девяти Лотосов.

Восседающий по правую руку от него Маэда Ючи только что закончил свою пламенную речь, согласно которой он мог немедленно прекратить войну. Для этого Ючи достаточно было лишь отозвать войска своего воинствующего вассала. И утихомирить некоего молодого юношу, на чьи плечи столь рано пала тяжкая ноша ответственности за угасающий род.

– Внук, кажется, мы что-то пропустили? – заинтересованно протянул дедушка Хандзо. – Речи этого человека в некоторой части разительно отличаются от тех, что он произносил утром.

Тем временем Император прервал короткую театральную паузу и продолжил:

– Вот уже полгода как империю сотрясают отголоски братоубийственной войны. Моё сердце страдает оттого, что не в моих силах остановить эту кровопролитную схватку. Собравшись сегодня здесь, по моему зову, вы оказали мне уважение, и я не вправе просить о большем. И лишь выражу свою обеспокоенность о тех, кто может стать новыми жертвами бессмысленной и жестокой войны. Не мне призывать вас к примирению. Но я могу стать тем, кто встанет промеж вас и поможет услышать друг друга сквозь пелену мести и ненависти.

Осмыслив услышанное, я порывисто встал из занятого мной кресла. Располагавшееся в отдалении от остальных, оно было выбрано как попытка отделить себя от всех участников приёма, но наглая ложь Ючи перечеркнула всё на корню. Увидев моё движение, сюзерен недобольно нахмурил брови и хотел уже что-то сказать, но Император прервал его лёгким движением руки и произнёс:

– Юности свойственна поспешность и открытость. Думаю, «Священному Ветру Хаттори» есть что сказать. В этой войне он потерял значительно больше, чем все остальные. Проявим уважение и выслушаем Леона, главу рода Хаттори.

Встретившись со взглядом этого маленького старика, внешне абсолютно не похожего на истинного владыку Империи восходящего солнца, я с благодарностью кивнул и, сделав

несколько шагов, остановился перед ним, чётко соблюдая установленное традициями расстояние.

Расшитое хризантемами чёрное кимоно Императора – по центру; по левую руку от него – родовые багровые цвета молчаливого Такэда; а справа – белоснежные одеяния Маэда. Ощущая, как на мне с неслышным стальным скрежетом скрестились сразу три взгляда, я медленно опустил на пятки, сложив руки на бёдрах.

– Нет уважения, внук. Внешне всё правильно, так, как и должно. Как должно для самурая. Но в тебе нет к ним уважения. Это... неправильно, – едва слышно прошелестел голос дедушки.

Принятое решение жгло меня изнутри и уже не казалось столь необходимым. Поддавшись эмоциям, что вспыхнули во мне после предательства, я лишил себя возможности принять трезвое и рассудительное решение. Дедушка Хандзо ошибся. Я уже давно перестал быть самураем, хоть и продолжал цепляться за выпитанный костным мозгом кодекс.

Пришло время признать то, кем я стал. И научиться извлекать из этого пользу.

Выхваченный из ножен танто ярко сверкнул в воздухе и глухо вонзился в доску из морёного дерева. Стон лезвия ещё звучал в воздухе, когда в него вплелась моя тихая, отчётливая речь:

– Вы говорили о бессмысленной жестокости и жертвах. И не упомянули об алчности. Алчности, что разыграла в сердцах Такэда, затмив для них понятия чести. Не упомянули о долге. Долге, согласно которому воины Маэда и Хаттори отдавали свою жизнь, защищая то, чему они преданы, то, что они любили...

– Леон! Прекрати это немедленно! – не выдержал Ючи, порываясь встать, но вновь был удержан движением длани Императора.

– Пусть он говорит. Это его право, – так же тихо, как я, проронил владыка империи. – Он оплатил его болью и кровью. Пусть говорит.

– Вы называли войну бессмысленной и тем почти обесценили её жертвы...

– Ваше величество, Леон не ведает, что творит... – Ючи вновь попытался заговорить, растерянный и даже слегка напуганный. Казалось, он искренне переживал за меня. – Остановите его. Он ещё молод и горяч и не знает...

Но Император только кивнул мне, предлагая продолжить речь. Его старческое лицо озадачили отблески жёсткой улыбки правителя, который так долго желал услышать правду и вместе с тем желал покарать смельчака. От волнения в горле пересохло, а на губах словно образовалась сухая корка. Держа спину идеально прямо, я прикрыл лицо ладонями и глухо закончил:

– Эта война закончится воздаянием. В тот день, когда последний из тех, кто её развязал, покинет этот мир, тяготимый раскаянием за содеянное и терзаемый болью потерь. Наши враги будут искупать свою вину страданиями. В том моё слово. И раз мой господин против этой войны... я ему не слуга!

Лезвие танто со звоном преломилось, так и оставшись торчать из деревянной половицы. Бережно сжав рукоять кинжала в ладони, я губами коснулся обломка клинка и только после этого глубоко поклонился Императору. Он улыбался. Понимающе и сочувственно.

– Мне больше нечего сказать вам, ваше величество. Ронин из рода Хаттори более не смеет отвлекать вас от разрешения важных государственных дел и просит дозволения покинуть дворец.

– Ронин из рода Хаттори волен делать то, что он пожелает. Если сегодня Маэда и Такэда заключат долгожданный для страны договор, то он должен хорошо для себя уяснить: моё недовольство падёт на того, кто осмелится нарушить необходимый для страны мир.

– У меня могут отнять землю. Но никто не в силах лишить меня чести... Даже вы...

* * *

Одним из неотъемлемых свойств человеческого духа считается стремление выйти за рамки ограничений. Так было от начала времён и так будет до конца человечества. Не зря у многих народов бытует поговорка: правила создают для того, чтобы их нарушать.

Из века в век социум старался обуздать это стремление, придумывая страшные кары для тех, кто осмелится нарушить законы или традиции. Изгнание можно отнести в разряд самых гуманных наказаний. Преступнику сохраняли жизнь, давая ещё один шанс. Ещё один шанс вдали от дома.

Выванные с корнями, изгои странствовали по миру: гибли или после долгих поисков обретали новый дом, путешествовали в поисках новых знаний или просто сражались во имя чужих, но взамен уплаченных интересов. Порой в изгнание отправлялись целые народы. И зачастую участь их была незавидна.

Однако встречались и такие, что смогли сохранить свой уклад жизни и культуру даже спустя столетия изгнания...

...Каждое её путешествие завершалось пробуждением в реальности. Участи шаманов, как, впрочем, и прочих сноходцев этого и других миров, нельзя не сочувствовать. Обретая доступ в иные миры и блуждая тропами Межреальности, они каждый раз рискуют своей жизнью – ведь шанс не проснуться чрезмерно велик. Так происходит всегда: за великую Силу приходится платить соответствующую цену.

Веки Иланы затрепетали – медленно, неуверенно, словно крылья бабочки, стряхивающей с себя сонное оцепенение перед первым взлётом. Тихое и ровное дыхание шаманки сбилось с ритма. Девушку неожиданно выгнуло дугой – настолько резким и глубоким оказался её первый, самый жадный глоток воздуха. Сев на больничной постели, Илана непонимающе оглянулась.

Белые кафельные стены просторной палаты, освещённой одним только солнцем, проникающим сквозь два широких, почти во всю стену, окна; кремово-бежевая и абсолютно нейтральная по форме мебель, блестящий хромом штатив, с закреплённой на нём капельницей; пахнущее мятной свежестью белоснежное постельное бельё...

Дверь в палату, расположенная в дальнем от кушетки углу комнаты, мягко отворилась. Просунувшаяся в образовавшуюся щель голова радостно затрясла чёрными как смоль кучеряшками и, поправив пальцем сползающие на кончик носа щегольские очки в золотой оправе, громогласно возопила:

– А вот и наша Спящая Красавица! И у меня для вас две новости. Как водится: хорошая и плохая. С какой начинать?

Илана задумчиво склонила голову набок, наблюдая за тем, как кучерявая голова плавно трансформируется в невысокого, чуточку полноватого мужчину средних лет в больничном халате. Отсутствие у него неизменных для врачей атрибутов (тот же стетоскоп ей казался обязательным) сразу навело девушку на нехорошие мысли, и она подозрительно сощурилась:

– Будет прекрасно, если вы сначала представитесь. И ответите на несколько моих вопросов. Новости подождут. Особенно плохие. К обвалу торгов на Токийской бирже, например, я пока ещё морально не готова. Только после кофе в постель!

Тем временем мужчина спокойно прошёл практически через всю палату и жестом фокусника извлёк из-за спины небольшой аккуратный букет из пяти роз – трёх белых и двух бордово-красных. Небольшую заминку вызвал поиск подходящей вазы, но неожиданный посетитель, после недолгих колебаний, предпочёл попросту аккуратно уложить его на тумбочку рядом с кушеткой девушки.

– Леон попросил передать вам именно этот букет. Он называется «кровь на снегу», – мягко улыбнулся визитёр, щёлкнул каблуками и слегка склонил голову: – Честь имею представиться, Олег Кац, представитель ЧВК «Сибирский Вьюн». Отвечаю за вашу безопасность.

Укутавшись в одеяло, девушка сцапала букет, окунулась в него лицом и поудобнее устроилась на кушетке, неосознанно поджав под себя ноги.

– Благодарю вас, господин Кац, – мелодично пропела она, вдоволь надышавшись цветочным ароматом и с сожалением отрываясь от зажатого в руках букета. – Вы можете рассказать, как я здесь оказалась?

– Только в общих чертах. Один из моих младших командиров обратился с просьбой об обеспечении безопасности для впавшей в кому принцессы эвенкийского союза племён. Поскольку нас издавна связывают узы братства, я не мог отказать ему в столь малом одолжении. Однако спустя всего день ваше состояние чудесным образом стабилизировалось и перешло в стадию обычного сна. А просьба насчёт букета так и вовсе поступила всего пару часов назад.

– И всё же есть какая-то причина, по которой вы ждали моего пробуждения, – неожиданно сделала вывод Илана и вопросительно посмотрела на удивлённо кашлянувшего Каца. – Это же очевидно! Не будь её, со мной разговаривал бы один из ваших подчинённых, а не глава ЧВК. Гена о вас рассказывал.

– Леону стоит поостеречься с вами, молодая госпожа, – шутливо заметил Олег. – Вы правы. Эта причина в количестве дюжины людей находится сразу за территорией клиники. Они утверждают, что прибыли на ваш зов, дабы преклонить колено и верно служить вам.

В палате вновь раздалось удивлённое покашливание – настал черед Иланы скрывать своё изумление. Ради справедливости стоит заметить – оно было значительно более сильным.

– Мои бойцы сумели договориться и не вступать в конфликт с ними, но... Эти люди весьма настойчивы в желании увидеть вас воочию и пригрозили силовой акцией, если почуют подвох и неисполнение обязательств с нашей стороны. Поэтому ваш покорный слуга сейчас здесь, в надежде, что вы сможете внести ясность в сложившуюся ситуацию.

– Смогу, – задумчиво произнесла девушка после недолгой паузы. – Пригласите ко мне их старшего. Если я права в своих предположениях, у него на шее должно быть приметное ожерелье из медвежьих когтей.

– Приятно иметь дело с человеком, понимающим суть нашей профессии. Однако это ещё не всё. Вам рассказать те самые новости? – степенно кивнув, ответил Олег.

– Раз они настолько важны, я, несомненно, хочу их услышать.

– Начать стоит с плохой: ваша одарённость более не секрет для князя Морозова. Проведённый вами ритуал, принцесса, создал возмущения Силы такой мощности, что не мог остаться незамеченным. СБ клана Морозовых имеет предписание немедленно сопроводить вас в Ледяной Пик сразу же после выписки. Боюсь, что ни я, ни мои бойцы не в силах будем воспротивиться воле князя.

– После таких известий сложно рассказать мне что-то хорошее... – пробурчала девушка, ещё сильнее прижимая к себе букет и пачкая губы в цветочной пылице.

– Леон официально заявил о вашей с ним помолвке. – Кац ослепительно улыбнулся и очередным жестом фокусника извлёк из кармана халата небольшую бархатную коробочку: – Не желаете посмотреть на колечко?

Глава 5

Нюансы законодательства

«...Опричный приказ был учреждён в Царстве Русском в XVI веке – в те нелёгкие времена, когда большинство боярских семей по-настоящему вошли в силу. Мощь аристократических кланов возросла настолько, что всё чаще и чаще голоса недовольных правлением Рароговичей сливались в гул непрерывного ропота, эхом раскатившегося по всему необъятному царству.

Всё это происходило на фоне беспрестанной междоусобной войны между боярскими семьями. Зарево пожаров и последствия разорения многих земель Рароговичи могли наблюдать даже из своих палат. Царство шаталось, не в силах обрести покой и мир, – недовольных следовало заткнуть, пока они не стали мятежниками, а чрезмерно воинствующих властолюбцев – приструнить.

Игнат Васильевич, после прозванный в народе Беспощадным, нашёл собственное решение, начисто проигнорировав постановление думских бояр, и учредил в государстве специфическую силовую структуру. На службу в ней заступили представители разных сословий: от бояр до беглых каторжников. Единственным условием была абсолютная преданность в деле защиты отечества. Не царя. Отечества. От внешних и внутренних врагов.

Обласканные царём и ведомые одной лишь строгой буквой закона, новые защитники Родины долгое время ничем не демонстрировали своей активности. Спустя год тревожные для русского боярства вести не подтвердились, и притихшие было кланы вновь с головой окунулись в междоусобные разборки и заговоры. Гром грянул лишь спустя ещё пару лет. Зачинщикам грядущего переворота довелось первыми познать на себе методы опричников.

Многочисленные и хорошо обученные, эти воины зачастую не имели за спиной длинной вереницы благородных предков, но очень хорошо представляли, с какого конца следует держать меч. Меч воина и... палача.

Массовая и жестокая казнь заговорщиков заставила вздрогнуть всё царство – людей силой выволакивали из домов среди бела дня, зачитывали обвинение и немедленно, на месте, приводили приговор в исполнение. Кровь предателей отечества текла по деревянным мостовым русских городов полноводными ручьями, полыхали очищающим пламенем имения родовитых заговорщиков, а простой народ неожиданно поддержал инициативу царя, свято уверовав в слова глашатаев, что обращались к ним с площадей и доносили волю владыки русских земель. Потому что вслед за бунтовщиками на плаху потащили и тех, кто позволял себе слишком многое, бесстыдно прикрываясь от закона родословной и крупными взятками. Народ наконец-то получил долгожданную защиту от боярского своеволия.

Москва, Великий Новгород, Тверь, Смоленск, Китеж, Владимир... Список «окровавленных» опричниками городов неуклонно рос, а они продолжали нести справедливость дальше, стремясь распространить ее на всю остальную страну. Междоусобная война между кланами Соболевых и Никифоровых закончилась тем, что Опричное войско наголову разгромило дружины владетельных князей и огнём и мечом навело порядок на землях не поделивших спорную территорию семей.

Спустя два десятилетия Царство Русское наконец-то обрело мир и внутреннее успокоение. Опричники свято соблюдали положения кодекса законов, пресекая заговоры и произвол бояр, ведомые идеей о благополучии государства и его жителей. На протяжении почти пяти веков – эта структура продолжала свою деятельность и претерпела лишь незначительные изменения. С опричниной были вынуждены считаться все – даже цари...»

Отрывок из записей гимназиста после экскурсии в Опричный приказ.

...Хлёсткий и неожиданный удар нагайки в кровь рассёк широкую скулу охранника «Красного фонаря». Заступивший дорогу Аскольду азиат проигнорировал сунутую ему под нос бляху с выгравированной на ней мордой русского волкодава и пытался остановить опричника, за что и был немедленно наказан.

– Совсем ohuei, гости дорогие, – назидательно и возмущённо произнёс Аскольд и нанёс ещё два удара нагайкой, сшибая дезориентированного охранника с ног и небрежно намораживая ему на руки тяжеловесные глыбы оков из мутного льда. – Посиди пока тут. И не уходи никуда, есть разговор о твоём воспитании. Понял?

– Да, господин опричник, – сдавленно простонал китаец, пытаясь сесть на колени и морщась от боли. – Координатор приказал никого к нему не пускать. Без исключений. Вы же понимаете, что у меня не было выбора...

– Похвальное стремление сохранить верность своим моральным устоям и законам клана. Но ты нарушил закон. Воспрепятствовал опричнику при исполнении. За это полагается смертная казнь, – Аскольд с удовольствием пустился в объяснения, ожидая, когда информация с камер наблюдения у входа в клуб будет обработана и передана куда следует. – Ты тоже должен меня понять!

Боевик Тёмного клана неподдельно пригорюнился, но более не произнёс ни слова. Рассматривая его с искренним любопытством, Аскольд неторопливо закурил и прислонился к декоративной деревянной колонне возле входных дверей в клуб. Тусклый красноватый свет бумажных фонариков придавал его массивной фигуре в традиционном облачении опричников несколько жутковатый вид.

Сигарета истлела после полутора десятков глубоких и сильных затяжек и мерцающим огоньком очертила в вечернем полумраке красивую параболу, угасая в зеве ближайшей урны.

– Твоё начальство не спешит на помощь, – холодно резюмировал Аскольд, обращаясь к коленопреклонённому пленнику. – Или против меня снаряжают армию?

– Координатор сильно не в духе, господин. Думаю, он выйдет к вам лично, – слабо улыбнулся китаец, побледневший от холода, исходящего оковами. Его челюсти начали выбивать мелкую дробь, и вид улыбки с клацающими зубами показался Аскольду... угрожающим? Пожав плечами, он усмехнулся в ответ и неожиданно для себя не обрёл успокоения.

Неясное ощущение опасности и не думало исчезать, наоборот, невнятный и неразличимый шёпот внутреннего голоса всё сильнее нагнетал ощущение витающей в воздухе угрозы. Повинуясь наитию, Аскольд после недолгих размышлений привычно повёл плечами, облачаясь в «доспех духа», и потянул на себя плотно прикрытую створку двойной двери из тёмного непрозрачного стекла. Как раз вовремя, чтобы успеть различить летящий в него столб спрессованного мутного воздуха...

Таранный удар техники взбешённого мастера начисто вынес обе двери и отшвырнул Аскольда на пару десятков метров. Отшвырнул легко и небрежно, словно тряпичную куклу, впечатав тело опричника в деревянную стену первого встречного здания. В нём, по насмешке судьбы, располагался небольшой и уютный бар в восточном стиле, где обитатели Китайского квартала любили опрокинуть пару рюмок напитков покрепче традиционного чая.

С треском проломив стену здания, «техника» исчерпала заложенную в неё Силу. Слегка дезориентированного Аскольда по инерции пронесло до барной стойки. Врезавшись в неё спиной, опричник услышал громкий и отчётливый хруст.

– Blyat, только бы не спина! – выругался он, обессиленно сползая на пол и скрючиваясь от боли в отбитых внутренностях.

Звон в ушах и цветные пятна перед глазами не давали ему сосредоточиться и определить место своего нахождения, но организм учителя был способен пережить и не такое. Звонко

чихнув от витающей в атмосфере заведения пыли, Аскольд повторно выругался и попытался что-то изменить.

– Сейчас я встану! – угрожающе бормотал он, ползая на четвереньках и вслепую шаря руками в поисках точки опоры. – Или не встану?!

Упёршись лбом в прочную преграду, опричник остановился и начал её медленно ощупывать.

– А это что ещё за х...?!

Сквозь звон в ушах постепенно пробились крики и тревожный звон паникующей сигнализации. Ухватившись за преграду, оказавшуюся треснутой барной стойкой, Аскольд неимоверным усилием воли поднялся и обвёл бар пустым и бессмысленным взглядом. И нашёл то, что искал. Кое-как сфокусировав зрение на человеке перед собой, застывшем в ступоре и прикинувшемся элементом интерьера, опричник разглядел за его спиной батарею бутылок и немедленно озвучил своё первое требование.

– А смешай-ка мне выпить, парниша. «Боярский» умеешь? – обратился он к шокированному бармену, с трудом выговаривая слова непослушным языком. – Только водки побольше плесни...

– Сию секунду, – зачарованно кивнул тот в ответ и, действуя на автопилоте, грянул гра-нёным стаканом о потрескавшуюся поверхность барной стойки.

Парализованный потрясением разум бармена тем не менее отреагировал на профессиональный вызов – едва плеснув в стакан гренадина, невысокий китаец в белой рубашке и сером жилете на ощупь отыскал позади себя бутылку «Абсолюта» и чётко, по стенке стакана нацедил толстый слой водки. Довершив коктейль несколькими каплями табаско, китаец с поклоном и очень аккуратно придвинул стакан к Аскольду.

Опрокинув содержимое залпом, опричник на мгновение прикрыл глаза, наслаждаясь приятным сладковатым послевкусием коктейля и феерическим взрывом, что он вызвал в его желудке. Разлившееся по телу тепло быстро возвращало к жизни, звон в ушах поутих. Жизнь налаживалась.

– Аскольд! Это ты?!

Поморщившись от боли в спине, опричник развернулся на звук и увидел стоящего в проломе стены Сяолуна Во Шин Во. Координатор Тёмного клана выглядел неважно. Его осунувшееся лицо с обострившимися чертами и тёмными кругами вокруг глаз всерьёз встревожило Аскольда.

Старый друг всегда остаётся другом. Даже если он всего минуту назад умудрился приложить тебя мощной техникой уровня Мастер и только чудом не отправил на тот свет.

– И тебе не хворать, Сяо! – отсалютовал он зажатым в руке пустым стаканом. – Ты всегда так здороваешься после долгой разлуки?

Координатор страдальчески скривился и, неловко кряхтя, полез через дыру в стене заведения, начисто игнорируя дверь по соседству.

– У меня временные кадровые трудности. На камерах сидит молодой идиот. Ему хватило ума сказать, что ко мне ломится странный русский, который положил охранника и теперь ждёт подкрепление, чтобы прорываться дальше, – вздохнул китаец, поднимая с пола опрокинутый высокий табурет и предлагая его старому знакомому. – Тебе сейчас, наверное, всё-таки лучше присесть. Врач нужен?

– Выдюжу, – отмахнулся Аскольд, но всё-таки присел на табурет и спросил: – Не думал сначала спрашивать, а потом стрелять?

– И это мне говорит знаменитый Айсберг? Помнится, в нашу первую встречу ты начал переговоры с пули, выпущенной мне в лоб, – проворчал координатор, ставя вторую табуретку и взгромождаясь рядом с другом. – В тебе есть непонятная тяга к подражанию героям вестернов, так что... Чья бы корова мычала!

– Ты был вне закона, Сяо. А сейчас легализовался. И мой визит как раз по этому поводу. Вы нарушаете Договор. Твоя дочь участ...

– Подожди, – короткий жест ладонью прервал опричника на полуслове. – Я знаю, о чём идёт речь. Этот разговор стоит вести в другом месте. А сейчас нам стоит выпить...

Затянувшийся шок бармена вновь был бесцеремонно прерван, на этот раз щелчком пальцев координатора Во Шин Во. Наблюдая, как он торопливо смешивает напитки, друзья молча закурили.

– Мне известны некоторые подробности дела. И я могу помочь. У меня есть одна ниточка. Пёс Леона. Наверняка вы не заострили на нём внимания, а зря. Юный хан притащил его с собой из увлекательного путешествия в тайгу. И оставил его защищать Бладштайнер. Мохнатый схлопотал порядка пяти техник и выжил только благодаря ошейнику. Кто бы мог подумать, что у пса на шее будет болтаться пять миллионов? – смотря перед собой словно в пустоту, Сяолун сказал то небольшое, что никак не могло повредить репутации его дочери.

– Боюсь, эта ниточка никуда не приведёт, – тихо ответил Аскольд, размышляя над услышанным.

– Ты не понимаешь, Айсберг. Это не просто пёс. Это банхар. Прирождённый защитник. Как только он оклемается, то начнёт её искать. Их чутьё невозможно использовать на таможне, но людей... Людей они способны отыскать даже за тысячи километров. Их ведёт сердце. Если Бладштайнер жива, а не развеяна пеплом, – он её отыщет.

– Чего ты хочешь, Сяо? – заинтересованно спросил опричник, принимая от бармена очередную порцию «Боярского коктейля».

– Того же, что и всегда. Заключить взаимовыгодную сделку, – жёстко ответил координатор, поднимая свой стакан и звонко ударяя им о стакан собеседника. – За дружбу!

* * *

Риск вызывает привыкание, и его последствия перестают казаться столь пугающими, как это было ранее. Последствия – всего лишь цена. Адреналиновые наркоманы готовы её платить с ужасающей лёгкостью.

– ...претерпел изменения. При мне Эдо был оплотом сёгуната. Безусловно, изящным и красивым, насколько это было возможно в те времена, но в первую очередь это была цитадель, способная выдержать самый яростный штурм и самую долгую осаду.

Дед разглагольствовал с того момента, как я вышел из зала Девяти Лотосов. Быстрый и энергичный шаг позволил сократить обратный путь практически вдвое и собраться с мыслями. Для этого оказалось достаточно не отвлекаться на окружающие красоты. А вот дедушке ничто не мешало любоваться современной интерпретацией средневекового замка. И он не преминул поделиться со мной впечатлениями.

– Место Силы обрело большую мощь, чем мы тогда могли представить. Боюсь, что здесь даже «техники» Тени будут не столь эффективны. Пробраться сюда незамеченным было бы сложной задачей даже для меня.

– Я не собираюсь штурмовать императорский дворец, равно как не имею намерений проникать сюда скрытно! – кратко вклинившись в его монолог, я вернулся к размышлениям на тему того, «кто виноват» и «что делать». – Можешь отложить свои планы в дальний ящик, а лучше на следующее воплощение.

Дедушка огорчённо вздохнул, вкладывая в это действие всю скорбь ребёнка, лишённого развлечений и поставленного в угол. Однако это не означало, что он замолчал.

– У меня сложилось иное впечатление, внук. Восторг зрителей недавнего представления ещё не утих. Противопоставивший себя мощи всего государства живёт ярко, но недолго. А

у тебя, насколько мне известно, несколько иные цели. Хотя, стоит признать, решение и его исполнение я оценил. Кратко, ёмко и преисполнено внутреннего достоинства.

– Самоубийство – не мой профиль. Я предполагал нечто подобное, разве что этот...

– Перестань, Лео. Твой бывший господин сделал свой выбор и пытается защитить тех, кто ему дорог. В том числе и последнего из рода Хаттори.

– Он поступает как трус! – вызверился я, остановившись, и зло топнул ногой, высекая подкованной подошвой парадного сапога искры из каменной брусчатки парковой дорожки.

– Это решение разума. Холодного, куда более опытного, чем твой, и вполне рассудительного, – жёстко парировал дедушка. – И значительно более верное, чем твоё решение. Ты нанёс урон его репутации, утоляя порывы гордости, и не заглянул наперёд, чем лишил себя надёжного союзника, обязанного твоей семье жизнью.

– Во мне нет сил на прощение предательства, – зло дёрнув плечом, я продолжил свой путь. Следовало спешить. – Мои люди должны завершить запланированные операции до того момента, как Маэда и Такэда заключат мирный договор. Насколько мне известно, им понадобится по меньшей мере сутки. А поскольку поручителем выступает Император, то не обойтись без официальной и пышной церемонии. Это ещё сутки на подготовку и её проведение. За сорок восемь часов Каталея должна справиться. Иначе... иначе я в ней ошибался.

– Тонко. При желании продолжение боевых действий можно истрактовать как попытку срыва переговоров, – выразив свои сомнения, дедушка покряхтел и задумчиво спросил: – Думаешь, Император не сочтёт поступок чересчур самонадеянного ронина издевательством над традициями?

– О нет, дедушка Хандзо. Он оценит по достоинству. И не преминет щёлкнуть Такэда по носу, – усмехнулся я, останавливаясь у выхода из парка и жестом привлекая к себе внимание приближающегося гвардейского патруля. – Император тоже очень любит театр. Не меньше, чем ты.

Наверное, Стражи весьма удивились, увидев одиноко стоящего и откровенно смеющегося молодого аристократа...

* * *

Современные мегаполисы занимают настолько огромные площади и настолько густо населены, что порой их можно сравнивать с небольшими странами. И у них свой, особенный ритм жизни.

Вечерний Токио оглушил меня рёвом автомобильных двигателей, гомоном плотных людских потоков на улицах и сотнями других звуков. Подступающая ночь уже практически полностью вступила в свои права, накинув на город плотное покрывало теней. Но центральные районы, казалось, вообще не намеревались ложиться спать – едва заметно мерцали сотни и сотни ярких неоновых вывесок, тысячи уличных фонарей источали режущий глаза белый свет, мириады окон светились и подмигивали в зданиях, – всё это служило верным доказательством того, что сердце Токио продолжает биться и пульсировать в прежнем ритме.

Окунуться в плотное движение людей по тротуарам? Легко! Ввинчиваясь в ближайший поток устремлённых и торопливых, потерянных и насмерть замученных долгой работой, неспешных и излишне громко говорящих по телефону, я бросил мимолётный взгляд на наручные часы. Сверившись с загоревшейся на циферблате указательной стрелкой встроенного навигатора, поспешил раствориться на улицах этого большого и гостеприимного города.

Идея отказаться от машины и добраться до пункта назначения на своих двоих имела несколько предпосылок. Наиболее значительной из них была безопасность. Затеряться среди

десятков тысяч пешеходов куда как проще. Память брата одарила меня кладезем полезных знаний, что периодически позволяло делать очень неожиданные выводы.

Не стоит недооценивать своего врага.

Периодически срываясь на бег, я преодолел десяток кварталов, не брезгуя тёмными переулками и всячески стараясь срезать путь, пока в одном из них меня не пошатнуло от разом навалившейся усталости. Ресурс молодого организма подходил к концу. Оглядевшись по сторонам, я отметил отсутствие случайных прохожих, грязные высокие стены без окон, образующие длинный узкий проход на задние дворы, парочку мусорных баков в отдалении. Идеальное место для наследника древнего благородного рода воинов, мечтающего об... уколе.

Парадная форма ВКШ имела несколько несомненных плюсов – стиль, красота, строгость и функциональность. Причём последний стоял во главе – всё же парадная форма оставалась в первую очередь формой офицера.

Пробежавшись пальцами по ремням португепи, я вскрыл один из закреплённых на ней футляров и извлёк из него разобранный на части пистолет-инъектор. Соединяя элементы прибора, я мысленно усмехнулся, понимая, насколько сейчас похож на уединившегося уличного наркомана. Тем более что, как и он, я отчаянно нуждался в дозе...

Зарядив инъектор столь необходимой мне капсулой со стимулятором, я приставил его к шее и непростительно потерял бдительность. А дедушка, как назло, слишком утомился нашим непривычно долгим общением и ушёл, пообещав вернуться только завтра.

Метнувшуюся слева тень я зацепил лишь краем глаза и успел лишь слегка повернуть корпус, пропуская неожиданный и сильный удар в грудную клетку, отбросивший меня к ближайшей стене. А драгоценный инъектор, выбитый из руки, жалобно зазвенел на асфальте.

– Ксо-о-о! – неосознанно вырвалось у меня. Вырвалось вместе с болезненным выдохом и неосознанной активацией «доспеха духа».

– Не жизнь, а сплошные кармические долги! – разочарованно сплюнув, отлип от стены и дополнительно использовал недавно изученные «Глаза Демона». Это позволило бы отлично ориентироваться даже в кромешной тьме, не то что в мрачных тенетах тёмного переулка.

Нападавшим оказался нервно дёргающийся мужчина азиатской внешности, в характерной для уличного бандита одежде. Его разноцветные и аляповатые тряпки, видимо, должны были отвлечь внимание от слишком вытаращенных глаз, изрезанных крупными алыми капиллярами. После первой атаки нападавший не спешил развивать успех. Он предпочёл начать обходить меня по дуге – скособочившись, дёргаясь, словно эпилептик, и что-то неразборчиво шипя.

Всплеск адреналина в крови на несколько секунд притупил чувствительность. Только шагнув к агрессору, я ощутил острую боль в правой части груди. Скопив глаза вниз, увидел, как по белой ткани мундира неторопливо расплывается большое тёмное пятно.

– Теряю форму, – укоризненно шепнул сам себе. – Осталось только подохнуть в этой подворотне.

Усталость накатила с новой силой – задрожали и предательски подогнулись ноги, голова закружилась, мир дрогнул, теряя очертания...

– Ррррра-а-а-а!!! – рык противника расколол тишину переулка на части, и события помчались вскачь.

Нечеловеческая пластика нападавшего с самого начала разуверила меня в нормальности происходящего. Сгорбившись, он вновь прыгнул, пытаясь дезориентировать меня очередным кровожадным воплем. Прыгнул необычайно далеко, в полёте разворачиваясь ко мне другим боком и пытаясь нанести размашистый удар правой рукой, которую так старательно мне не показывал. В отблесках света с улицы тускло блеснул короткий стальной клинок, торчащий между пальцами сжатого кулака.

Вдох...

Остатки внутренних резервов уходят на то, чтобы очистить разум. Мысли обретают хоть какую-то чёткость, тело перестаёт выдавать фортели, а пальцы сами собой сплетаются в мудрую Рин.

Выдох...

Его оскаленное скуластое лицо совсем близко – настолько, что я отчётливо вижу клочья слетающей с губ пены и выпученные глаза, пылающие алыми огоньками безумия.

Пружинисто подпрыгнув, крутанулся вокруг своей оси и встретил агрессора наиболее редко используемым мной ударом. Встретил жёстко, максимально вкладывая в «вертушку» инерцию и вес тела.

«Доспех духа» протестующе загудел, соприкасаясь с височной костью обезумевшего. Брызнули искры, каблук врезался в непреодолимое препятствие, а противник, вопреки моим ожиданиям, не отлетел в сторону и не рухнул на асфальт безжизненным трупом. Перекувыркнувшись в воздухе словно кошка, он приземлился на четыре конечности и злобно завыл.

Яростный, полный разочарования и ненависти вопль, внушающий отчаяние и ужас тем, кто его слышит, молотом бьющий по сознанию и вызывающий безотчётную панику.

«Глас Демона».

Никогда бы не подумал, что мои враги переживают столь восхитительную гамму впечатлений...

Стиснув зубы от боли в раскалывающейся голове, я неловко приземлился на одно колено. Скользкий от наледи асфальт предательски отозвался на попытку обрести равновесие – подошва поехала вперёд, поневоле заваливая мой корпус назад.

Неловко взмахнув руками, перехватил устремившийся ко мне кулак с торчащим клинком, ощущая, как со слышимым только мне звоном рассыпается «доспех духа». Перехватил и рванул его руку в сторону от себя, заваливаясь на асфальт вместе с безумцем. Оседлав его сверху, со всей силы впечатал правый локоть ему в лицо, но вновь с удручающим результатом. Его голова только едва заметно мотнулась, а рука отозвалась острой болью, словно ударил о каменную стену.

Новый вопль безумца и отчаянные попытки выбраться из-под меня были встречены градом хаммерфистов, усиленных «Дланью Тьмы». Понадобилось не менее десяти сильных ударов в голову, прежде чем запас прочности его черепа был исчерпан.

Смачный и влажный хруст, отвратительная тёмная слизь на стиснутом кулаке, трепыхающееся в агонии тело...

Хрипло откашлявшись, я бессильно завалился на бок. Где-то в дальнем уголке сознания мелькнула мысль, что мундиру теперь точно пришёл *pizdes*. С минуту просто лежал, прижавшись разгорячённым лбом к ледяному асфальту, думая о том, что победителя битвы при Мацумото чуть не прикончила какая-то странная тварь в обличье передозировавшегося наркомана.

Инъектор чудом пережил все перипетии скоротечной схватки. Добравшись до него ползком и уже не думая о сохранении лица, я дрожащей рукой вкатил себе дозу стимулятора и с блаженной улыбкой развалился посреди переулка, ощущая, как начинает действовать препарат, и любясь плывущими по небу облаками, из-за которых, робко и застенчиво, выглядывал лик Луны...

...То, что я изначально посчитал тычковым ножом, оказалось странным клинком из гладко отшлифованной кости с частыми металлическими вкраплениями. Разогнув коченеющие пальцы, увидел, что клинок длиной почти в ладонь и торчит из разреза на тыльной стороне ладони.

– Неведома зверушка, blyat! И, что теперь с тобой делать?

Стимулятор продолжал приводить меня в чувство, даруя временное чувство ясности разума и подкреплённую химией бодрость. Вновь выругавшись, я отступил от трупа на несколько шагов и достал смартфон из ещё одного отделения на портупее. Средство связи производства «ХатториГрупп» благополучно выдержало перепады на его долю испытания, как и полагалось любому изделию, изначально предназначенного для использования спецслужбами.

Долгие гудки прервались в тот момент, когда я уже перестал надеяться.

– Не знаю, откуда у тебя этот номер. И только поэтому я всё-таки тебя выслушаю... – ответил сонный и хриплый мужской голос со знакомыми мне с детства раскатистыми интонациями.

– Я тоже рад тебя слышать, дядя Тайко.

– Леон?! – радостно взревел друг моей семьи, оглушая меня рокочущим громом своего баса. – Что-то случилось, сынок?! Где ты?!

– Ты прав. Мне нужна твоя помощь. Координаты сейчас скину. Есть кое-что интересное...

* * *

Зачастую сказки бессовестно обманывают. Спасённые прекрасные принцессы оказываются двумя девушками с очень непростыми характерами и своим мнением, отстаивать которое они готовы любым доступным способом...

...Просвистевшая над головой Алексея хрустальная ваза вдребезги разлетелась на мелкие кусочки, засыпав юношу, укрывшегося от гнева близняшек Мияги за широким диваном.

– Невесты?! А нас он спросил?!

От синхронного вопля взбешённых сестёр задрожали стёкла в окнах гостиной комнаты особняка князя Бельского. Вытряхивая осколки вазы из кучерявой шевелюры, Алекс страдальчески прикрыл глаза и возопил в ответ:

– Меня он тоже не спросил!!! Но я же не жалуюсь?!

– Только попробуй! – запальчиво выкрикнула Рисса, возмущённо вздёрнув носик и уперев руки в бока. – Жаловаться он вздумал!

Риасу в это время искала глазами ещё что-нибудь тяжёлое, но не нашла и печально вздохнула:

– Вылезай. Мы не будем тебя сильно бить... Жених...

– А вот и не вылезу! – заявил юноша, оставаясь в убежище. – Здесь хорошо. Нет сбрендивших и агрессивных невест.

Его безуспешные переговоры с сёстрами длились всего пять минут, но Алексей уже серьёзно жалел о предпринятой авантюре. А очарование девушек и перспективы, о которых он уже успел подумать с утра, слегка потускнели, столкнувшись с суровой действительностью.

– Вылезай, а то хуже будет! – озвучила угрозу Рисса, сдувая падающую на лоб синюю чёлку и звучно хрустнула костяшками пальцев. – Должен же кто-то отвезти нас домой! Или ты боишься?!

– Чёртовы гормоны! Чёртова детская психика! – шёпотом ругнулся юноша, вставая и ловко перепрыгивая диван. – Мой английский не столь хорош, чтобы я мог всё правильно объяснить. Может быть, я что-то не так понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.